

Анна
КОВАЛЬ

Игра на выживание

РАЗВОД

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лина Коваль

Развод. Игра на выживание

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70086079

SelfPub; 2023

Аннотация

Я тебя уничтожу.Этой фразой мой любимый муж, с которым мы только что отпраздновали десять лет со дня свадьбы, ответил на моё предложение о разводе, брошенное в сердцах. Уже потом начались суды, раздел имущества, противостояние наших семейств и огромное количество боли...Мы убивали друг друга хладнокровно, по очереди. Использовали наших детей, друзей и, конечно, новые отношения.Мы своими руками превратили наш развод в игру на выживание...

Содержание

Глава 1. Яна.	4
Глава 2. Яна.	13
Глава 3. Яна.	18
Глава 4. Яна.	24
Глава 5. Яна.	30
Глава 6. Яна.	36
Глава 7. Яна.	43
Глава 8. Яна.	51
Глава 9. Яна.	57
Глава 10. Яна.	65
Глава 11. Яна.	72
Глава 12. Яна.	80
Глава 13. Яна.	88
Глава 14. Яна.	95
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Лина Коваль

Развод. Игра на выживание

Глава 1. Яна.

– Где ты был? – спрашиваю, складывая руки на груди.

– Ого, – удивляется муж и, стряхнув кроссовки у порога, проходит в гостиную.

Рассматриваю своё отражение в зеркале. Светлые волосы выбились из причёски, глаза бешено полыхают. Домашний костюм из тонкого шелка немного помят, но сейчас меня, главную чистюлю в нашей семье, это не смущает.

Фокус сместился.

Сегодня я отвезла детей к маме и хотела в кои-то веки сделать мужу приятное. Приготовила его любимое блюдо – бефстроганов, купила дорогое розовое вино. Оделась, как на выставку, в платье на тонких бретельках и с открытой спиной. Три часа ждала, как дура, разбирая узоры на скатерти и протирая столовые приборы.

Он не явился.

Закончилось всё тем, что с психу мясо улетело в мусорное ведро, а платье в стирку.

Я же легла спать и только в полночь услышала, как проворачивается дверной замок. Поэтому вырвала из стопки пер-

вый попавшийся комплект и спустилась со второго этажа.

Богдан небрежно скидывает байкерскую косуху, оставаясь в простой белой футболке. На стол из кармана светлых джинсов вынимает телефон и ключи от мотоцикла.

Его образ, как и обычно, распространяет невозмутимость и цинизм.

– Что с настроением, Ян? – узнаёт сухо. – Если тебе его испортила мать, не надо отрываться на мне.

Раздраженно закатываю глаза и бессознательно хватаю его телефон.

– А у тебя всегда мама виновата. У Яны плохое настроение – это всё её мама постаралась. У Яны болит голова – это мама что-то сказала. Яна не хочет секса – наверное, с мамой поругалась.

– Всё так, – отстраненно отзывается, транслируя полное неуважение, топает на кухню. Зажигает верхний свет.

Изучаю безупречно выбритый темный затылок и широкие плечи, чувствуя, как в душе рождается волна неконтролируемой ярости.

Ну уж нет.

Сегодня я этого просто так не оставлю.

– Куда ты пошёл? – взлетаю за ним на кухню, словно фурия. – Я, вообще-то, с тобой разговариваю.

– Я устал от твоих истерик, – предупредительно врезается в меня жестким взглядом и распахивает дверцу холодильника.

– Истерик?! – непонимающе произношу и развожу руками. – Я, по-твоему, истеричка?!

– Обдумай это на досуге, Ян, – замечает равнодушно.

Опираюсь бедром о каменную столешницу кухонного острова и наблюдаю за тем, как муж исследует содержимое холодильника.

– В этом доме будет когда-нибудь что-нибудь пожрать? – спрашивает, извлекая с полки ветчину в упаковке.

Совершенно безосновательная претензия, так как я превосходно готовлю и делаю это с любовью. Просто сегодня «моя любовь» отправилась в урну.

И он сам виноват!

– Если бы ты приходил домой вовремя, был бы шанс это узнать, Соболев, – замечаю, лихорадочно крутя в руках его телефон.

– Вовремя? – усмехается иронично. – Этот типа как тринадцатилетний подросток?!

– Это типа как нормальный муж, – огрызаюсь.

Богдан взбешено запускает ветчину на стол и плетётся к шкафу.

– А я не нормальный? – зловеще спрашивает.

Скулы на мужественном лице сдавливаются, в светлых глазах читается максимальное раздражение.

Становится обидно, потому что мозгодробилкой я никогда в жизни не была и вообще не люблю ругаться. Я десять лет поддерживала его мужскую самодостаточность и не огра-

ничивала в общении с друзьями.

Но ведь у всего есть допустимые пределы?!

– Я ненормальный муж? – повторяет Богдан вопрос ледяным тоном.

– Обдумай это на досуге, – возвращаю ему же непрощенный совет.

Удерживая дверцу шкафа, Богдан оборачивается в мою сторону. Молча смотрим друг на друга. Негативная густая энергетика оседает кругом, обрушивается на мою кожу противной вязкой пленкой.

Между нами приблизительно два метра расстояния...

Всего ничего.

Сделай шаг. Дотянись. Обними.

Но эта физическая близость лишь внешняя иллюзия для чужаков.

Есть ощущение... внутренне мы словно на разных континентах. Говорим на разных языках.

Уже давно.

А ведь неделю назад мы с размахом отпраздновали десятилетие нашей свадьбы. Красивый ресторан, эксклюзивное белое платье, сто пятьдесят гостей и грандиозная пропасть между нами.

Оловянная свадьба.

Олово, как символ гибкости и того, что мы должны были прирасти друг к другу за это десятилетие.

Стать единым целым.

Я не знаю, когда случилось начало конца и вообще формировалась ли эта неуловимая связь между нами. Но мне больно каждый раз, когда я представляю, какой бы мог быть наш брак в идеальном мире.

В мире, где мы слышим и понимаем друг друга. И где у моего мужа более богатый словарный запас.

Юбилей нашего брака закончился стандартно, так же как и сама свадьба десять лет назад – фееричным скандалом между нашими семьями.

Свекровь, Соболева Юлия Сергеевна, выпила лишнего и орала на весь ресторан «Аристократы херовы», а моя мама безмерно краснела, закатывала глаза и пыталась успокоить отца, у которого ожидаемо поднялось давление.

Свёкор, как обычно, был безучастен. Он тоже любит выпить. Как говорит моя мама, «у них это семейное». Обычно после этой фразы следует целая лекция о влиянии наследственного алкоголизма на детей и внуков.

Порой в такие моменты мне хочется закрыть уши и вовсе не дышать.

А порой провалиться от стыда, чтобы не видеть язвительные или жалостливые взгляды родных и друзей.

Богдан же на подобное всегда реагирует хладнокровным спокойствием.

Выбить из моего мужа хоть какую-то малюсенькую эмоцию – легендарный подвиг. Я как грёбаный учитель физики

с эбонитовыми палочками. Постоянно провожу опыты над собственным супругом.

Каждый раз понапрасну.

Усаживаюсь на диван в гостиной и долго глазею в одну точку. До тех пор, пока в руке не вибрирует телефон, о котором я совсем забыла.

На автомате веду по экрану ломанную линию.

Сообщение от Роба, лучшего друга Богдана.

Листаю фотографии с сегодняшнего мотокросса. Пожалуй, это единственное увлечение мужа, если не считать безграничной любви к нашим детям.

На общем снимке пара десятков участников. Богдан, как всегда, в центре. Очерчиваю пальцем широкое невозмутимое лицо любимого мужчины, пока не натыкаюсь на стройную девушку справа...

Она... интересная. Возможно, даже похожа на меня образца пятилетней давности. Яркая блондинка, раскосые глаза, правильные черты лица, на губах ярко-красная помада. Я бы, скорее всего, не обратила на неё внимание, но тонкая рука с наманикюренными длинными пальчиками расположена в аккурат на плече моего мужа.

Лихорадочно сглатываю скопившийся ком в горле.

При всех недостатках и холодности Богдана, я никогда, ни на минуту не заподозрила его в измене.

Да, он не кричит о любви на каждом шагу и между нами много недомолвок, но почему-то я всегда была уверена в

нерушимости его чувств ко мне.

Мы познакомились, когда мне было шестнадцать, а ему только-только исполнилось восемнадцать. Учились в одной школе. Богдан сразу после выпуска ушел в армию, попал в элиту – воздушный десант. Он ничего не обещал, не просил его ждать и даже не звонил за время службы ни разу.

Пара смс. На день рождения и Новый год. Такие же бездушные, как от оператора сотовой связи.

Но когда возвратился, в первый же день объявился на моем пороге с букетом белых роз. А уже через полгода, несмотря на запрет родителей забрал меня к себе.

Так началась история нашей семьи. Семьи Соболевых.

Спустя десять лет у нас есть дочь с сыном, огромный дом и городская трехкомнатная квартира. А еще целая груда многолетних обид, в которую мы собственноручно закопали наш брак.

Судорожно взвешиваю и переключиваю мысли в голове из стороны в сторону. Примеряю в воображении эту девушку к любимому мужу. Зачем-то представляю их в постели. Обнаженными, разгоряченными.

Боже. Боже мой.

Сердце замирает. Мой Богдан и она?! Серьезно?!

Еще раз изучаю снимок. Блондинка стоит довольно близко, они явно знакомы.

Эмоции настолько глубокие, что я не замечаю, как с кухни возвращается муж.

– Я подумал, – первое что говорит и останавливается на-
против.

Поднимаю на него стеклянные глаза.

– О чем? – непонимающе спрашиваю.

– О том, что я хреновый муж.

– Я так не говорила, Богдан, – мотаю головой и усмехаюсь.

Снова ничего не понял.

– Она красивая, – тихо шепчу, вкладывая в его руки те-
лефон.

– Кто блд?! – рычит муж и снимает блокировку с экрана.

Закрываю глаза руками, чтобы не видеть, как ломаются
черты его лица. Я всегда утверждала, что сразу пойму, если
у него кто-то появится. Отчего-то казалось, что в этот мо-
мент непременно что-то должно незримо поменяться. Даже
его запах...

– Не носи чушь, Яна. Это просто левая телка.

Наверное, так и говорят женам, прикрывая любовницу?
Да?

Внутренности опалает жаром, а я не в силах остановить
богатое воображение. В голове только одна картинка – мой
Богдан с другой. Конечно, до меня у него были девушки, но
я всегда предпочитала об этом забыть.

– Не истери, – говорит он, нависая сверху. – Я не собира-
юсь оправдываться.

– Конечно, – разочарованно вздыхаю. – Кто я такая?!

– Это. Просто. Левая. Телка. – отчетливо втаптывает в

мой мозг каждое слово.

– Матери это своей расскажи. Она точно поверит, – впечатываю в ответ, секунду погодя осознавая как низко себя веду.

Всем давно известно, что у Анатолия Юрьевича, отца Богдана есть вторая семья. Даже внебрачная дочь имеется. Кате недавно исполнилось пятнадцать.

– Сука, Шацкая. Какая ты сука!

Моя девичья фамилия на устах мужа – признак крайней стадии гнева.

– Да пошел ты, – слабо шепчу в ладони.

Задираю на него глаза, полные слез и разочарования.

– Тысячу раз говорил. Не трожь мою мать, – с отвращением выплевывает, а потом с ненавистью опрокидывает со столика раритетную вазу, подаренную на юбилей свадьбы, и рамку с семейной фотографией. По полу расходятся острые осколки, которые, кажется, добираются до самой души.

Качаю головой. В разбитой фоторамке на полу мы и наши солнышки. Восьмилетняя Маша и пятилетний Иван. Как он мог проявить такое неуважение даже не ко мне, а к собственным детям?!

Совсем охамел.

– Так разведись со мной, Соболев? – прыскаю ядом.

– Так и сделаю, – говорит Богдан и уходит в сторону лестницы.

Глава 2. Яна.

Часы в гостиной пробили три ночи, а сна ни в одном глазу.

Будто видеопленку прокручиваю ссору с мужем, который на удивление даже в гостевую спальню не ушел. Просто принял душ, лёг в постель и отвернулся. Усиленно делает вид, что спит.

Пару раз выходил на балкон покурить.

Как же мне хочется прижаться к мощной спине и поцеловать горячую кожу между лопаток.

Стараюсь непредвзято проанализировать каждую фразу, сказанную внизу. Боже. Естественно, за маму стоит попросить прощения.

Как бы я ни злилась, задевать в конфликте близких родственников – это удар ниже пояса. А мама у человека одна.

Да и свекровь у меня – неплохая.

С детьми помогает по первой просьбе, овощами осенью снабжает, хоть мы и отнекиваемся до последнего.

Взамен ничего не просит. Разве, что деньгами время от времени Богдан свёкров поддерживает.

Потираю пылающие щёки, облизываю пересохшие губы.

Это просто стандартная ссора, уговариваю себя. Мы редко скандалим. Безобразное слово «развод», вообще, впервые сорвалось с языка.

Для меня развод подобен смерти.

Я просто не переживу. Не вынесу.

Как назло, в тональность к моему настроению на улице разворачивается мощнейшая гроза. Становится еще ужаснее.

С детства трепещу перед этой природной стихией.

Богдан превосходно об этом знает. И совершенно точно не спит. И... не испытывает никакого желания успокоить и обнять.

Смотреть на его затылок и ощущать ледяной холод – невыносимо больно. Отворачиваюсь и подтягиваю ноги к груди. Обнимаю себя за плечи, чувствуя, как внутри словно кисель по венам и артериям растекается жалость к себе.

Слезы затормозить не получается. Они катятся по щекам и находят успокоение на шелковой поверхности подушки. Через несколько минут к влажным глазам добавляются слабые всхлипы, которые я искренне пытаюсь удержать внутри, но они соскальзывают с губ, становясь еще более отчетливыми.

В жизни зачастую так всегда выходит. Когда долго сдерживаешься – взрыв неизбежен. Как результат – боль и слезы.

Чувствую легкое движение за спиной.

Слишком громко я плачу, чтобы муж не заметил.

– Блд, – шипит Богдан.

Резко разворачивается и сгребает мое тело под себя. Сопротивляться совершенно не хочется. Наоборот, охватываю его руки и ласково поглаживаю мягкие волоски на запястье.

Вокруг только привычная безопасность и тепло.

Черт.

Мне с ним бе-зо-пас-но.

Я не знаю другого такого мужчину, который был бы настолько надежным и цельным. Богдан неизменно контролирует всю нашу жизнь. Страховки, документы, доверенности, ценные бумаги – это всегда его ответственность.

Я в это никогда не вмешивалась, только ставила подписи периодически и тут же забывала.

Моя подведомственная зона – наш семейный очаг. Нет в этом доме ни одного уголка, который я бы не контролировала.

У меня всегда чистота и порядок. Помощниц никогда не было, пусть мы и можем себе их позволить.

Когда подруги спрашивают, "в чем секрет нашего брака?", я всегда отвечаю, что в распределении обязанностей. Конечно, разделить их в первые годы нашего брака было сложно. Мы притирались и ломали друг друга.

К примеру, Богдан совершенно не был приучен к тому, чтобы отправлять тарелку в мойку после того, как поест. Это жутко бесило и огорчало. Понадобилось немало сил, чтобы откорректировать.

Но даже тогда. Ни разу. Я не произносила это страшное слово.

Съезживаюсь в крепких объятиях, в спину упирается привычная твердость, а внизу живота чувствуется приятное

жжение.

– Спи, Ян, – слышу спокойный голос, словно он мысли мои читает.

– А то что?! – спрашиваю дерзко, стискивая пальцами его запястье.

Богдан не реагирует, а раньше произнёс бы что-то грубое, типа «сейчас оттрахаю», и я бы откликнулась «только попробуй». И он бы обязательно попробовал. И мне бы до стона понравилось...

Устало вздыхаю, забирая в легкие аромат его кожи.

Больная я, что ли? Ну какая блондинка? Запах не поменялся... Ни капельки.

Секс – это то, что нас всегда примиряло. В постели мы сразу были просто Яной и Богданом, а не богатой стервой Шацкой и бедным обычным парнем Соболевым. В сексе мы равны, хотя меня и легкое мужское доминирование устраивает. Конечно, со временем яркие краски страсти сменились на пастельные тона с неоновыми всплесками. К тому же были периоды беременности и лактации, в которые моё либидо вело себя по-разному.

Гроза за окном не прекращается, а мне неожиданно так хорошо становится.

Да, поругались?

Но ведь это он. Мой муж. Тот, который в роддом мне передавал запрещенку и со мной ночами не спал, когда детей колики мучали.

– Прости, – шепчу, расцеловывая его ладонь. – Пожалуйста, прости. Я... просто ревную тебя, как дура. Потому что люблю.

Богдан молчит. Дыхание ровное.

Уснул.

Давлю смешок, потому что нелепо получилось. Не хотелось извиняться, а теперь придется аж дважды.

Затиhaю в крепких объятиях, а утром просыпаюсь в полнейшем шоке...

Глава 3. Яна.

– Богдан, – зову мужа и озираюсь.

Сторона, на которой он спит, идеально ровно застелена.

Эта всего лишь одна из хороших привычек, которую Богдан привез из армейской жизни. Вторая – его неприхотливость в еде. Муж любит обычные самые простые блюда – борщ, котлеты, рыбу. Только вот ест их очень быстро.

Есть и плохие привычки. Например, ругаться матом, курить и еще заламывать рубашку под ремень сзади, вертикальной складкой, чтобы спереди ткань натянулась и расправилась.

– Богдан, – зову еще раз. В голове всплывают воспоминания со вчерашнего дня. Они словно тяжкое похмелье наступают и больно давят на виски.

Скидываю с себя покрывало, свешиваю ноги с кровати на пол. Сладко потягиваюсь, радуясь тому, как лучи солнышка играют на моем лице.

Боже мой.

Надо же было вчера устроить мужу такую истерику. Ведь сама выпустила из памяти, что у него мотокросс.

Ни за что Богдану не признаюсь... но во всем, на самом деле, виновата моя мама. Есть у нее такая особенность – вцепиться, словно клещами и присесть на уши. Сейчас у неё новая фишка – она находит, что нам с мужем стоит быть побли-

же друг к другу. Ругает меня за то, что мы с Богданом отдались.

После вчерашней её лекции я и решила заехать за вином, совершенно не взяв в расчет планы мужа. Потом еще устроила скандал с фотографией.

Вспоминаю тот снимок. С другой стороны от блондинки с ярко-красными губами, вообще, находился Роб. Вечный холостяк и самый крутой татуировщик в нашем городе.

Может, девушка с ним была? А я на Богдана взъелась.

И даже то, что муж вчера разбил рамку с семейной фотографией и вазу, которая, кстати, сразу мне не понравилась, наутро не смущает. Надо же было мне про маму его ляпнуть.

Ведь врагу такого не пожелаешь – узнать, что у твоего мужа есть вторая семья. Да еще и с ребенком.

Брр.

Надеюсь, Богдан укатил к моим, за детьми. Решаю сбежать в душ, чтобы к их приезду быть красивой. Приготовлю сырники и любимые Данины оладушки. Задобрю своего Соболька.

Напевая незамысловатый мотив, провожу около получаю в ванной комнате. Живем один раз, поэтому надеваю самый дорогой кружевной комплект нижнего белья и домашние шелковые шортики с майкой. Волосы с помощью фена укладываю красивыми волнами.

Радуюсь отражению в зеркале. На свои двадцать восемь с хвостиком я совсем не выгляжу.

Девчонка девчонкой, как говорит мой папуля.

Спускаюсь на первый этаж и сразу топаю в небольшую кладовую за ручным пылесосом. Надо срочно убрать разлетевшиеся по паркету осколки, иначе дети могут пораниться.

В гостиной светло и тихо.

И абсолютно чисто.

Абсолютно.

Богдан сам убрал следы нашей ссоры. Это, безусловно, приятно.

Забрасываю пылесос обратно в кладовую и пританцовывая вышагиваю на кухню.

В прихожей неожиданно что-то режет глаз. Не могу объяснить. Такое бывает после перестановки или когда убрал какую-то вещь со своего места. Резко останавливаюсь, изучая широкие полки в шкафу-купе.

Сердце обрывается и с грохотом падает в ноги, когда до меня наконец-то доходит, что именно здесь изменилось.

Чемодан.

Большой кожаный чемодан, который мы купили в Дубайском Молле, на отдыхе в прошлом году.

Обычно эта махина занимала всю верхнюю полку, а сейчас там пусто.

Судорожно растираю щеки. Есть еще призрачная надежда, что кто-то из друзей Богдана попросил чемодан, чтобы свозить семью к морю.

Я не знаю. Может, его мама?!

Усмехаюсь. Моя свекровь дальше дачи в пригороде лет двадцать не ездила.

На негнущихся ногах иду в кухню за телефоном. Давлю на значок со свадебной фотографией мужа.

– Алло, – говорю еле слышно, когда длинные гудки прерываются и на том конце образовывается тишина.

– Да, – отвечает муж хрипло.

– Богдан, – облизываю сухие губы. – Ты где? Я проснулась, а тебя нет.

– Я... я пока в квартире поживу, Ян.

– В смысле, – спрашиваю, чуть повысив голос.

– Нам... блд, – увесисто вздыхает, будто ему так же, как и мне в данный момент не хватает воздуха. – Надо отдохнуть друг от друга.

– Отдохнуть? – повторяю тихо.

– Да...

– Ладно, дело твоё, – выговариваю шокировано и бросаю трубку.

Падаю на кухонный стул и продолжаю глазеть на улыбающегося Богдана на экране своего телефона.

Спустя минуту, вздрогнув, набираю ему снова.

– Богдан, – зову быстро.

– Да, Ян.

– Это из-за мамы, что ли? – непонимающе произношу. – Так прости меня, пожалуйста, ну с кем не бывает?! Ты же знаешь, что я дурочка такая иногда. Плету всё подряд.

– Нет, Ян. Мама здесь ни при чём, – ровно отвечает Богдан. Слышу, как он выпускает дым изо рта. – Дело в нас, Яна.

– В нас? – переспрашиваю непонимающе, прикрывая рот ладонью.

– Да.

Снова швыряю трубку и вскакиваю со стула. Ношусь от холодильника до плиты и обратно. Меня лихорадит так, будто я от наркоза отхожу. Сердце долбит как сумасшедшее.

Набираю мужа еще раз.

– Богдан, – кричу.

– Да, Яна, – его голос спокоен и холоден, как сталь.

– Ты... я не понимаю, – не сдерживаю слез. – Ты меня бросаешь, что ли?!

– Нам просто нужно пожить отдельно, Ян. Мы устали друг от друга.

– Богдан, – ору. – Что это за новости, вообще?! Быстро вернулся домой. Немедленно.

– Я не вернусь, Яна, – произносит муж. Он явно не в помещении, но там тихо. Никаких чужих голосов или музыки.

– Я сказала – домой. Быстро, – топаю ногой.

На этот раз муж сам обрывает звонок.

Нет, это явно какой-то розыгрыш.

Такого просто не может быть!

Переступая через лесенки, бегу на второй этаж в кабинет. Там изучаю привычный и родной порядок на столе. Распахиваю первый попавшийся ящик, в котором муж обычно хра-

нит ежедневники.

Пусто.

В потайном выдвижном отделении беру ключ от сейфа, где муж держит оригиналы учредительных документов и ценные бумаги. Дрожащими руками пытаюсь попасть в замочную скважину. Потом пару минут стою молча и не дыша... словно силюсь справиться с этой правдой...

Пусто.

Набираю мужу еще раз.

– Богдан.

– Да, Ян, – отвечает сипло.

– Даня, – зову его, как обычно, ласково. – Даня.

– Что, Ян?

– Данечка, это же я. Я – твоё чудо. Пожалуйста, вернись домой.

– Я не вернусь, Ян. Не сегодня.

– Даня, – реву в голос. – Пожалуйста. Я тебя умоляю. Вернись домой.

Звонок обрывается короткими гудками.

Набираю еще раз. Еще и еще. Еще и еще.

До тех пор, пока в ответ не слышу сухой голос женщины-оператора:

«Абонент в сети не зарегистрирован».

Глава 4. Яна.

Следующие два дня меня качает из стороны в сторону.

От бесконечной жалости к себе до гнева на Богдана. За то, что вот так ушел и оставил разгребать все проблемы в одиночестве.

А ещё, нужно было придумать какую-то правдоподобную версию для детей.

Для них просто шок, что папы нет дома уже два дня. А что будет дальше?! Пытаюсь настроить себя и не думать о будущем.

Он вернется. Должен вернуться.

У нас хорошая семья.

Богдан всегда заявлял о том, что он однолюб. Действительно, за все десять лет даже намёка на его симпатию к другой женщине не было.

Если не вернется... я просто не знаю, что буду делать и как буду жить. Наверное, и не буду вовсе.

– Мама, а папа сегодня приедет? – спрашивает Маша за ужином.

– Не знаю, – отвечаю, стараясь оставаться спокойной. Это ужасно плохо получается, потому что моя вилка с оглушающим звуком падает на стол. – Папа тебе не звонил?!

– Звонил, – Маша кивает, а я округляю глаза. – Правда, ещё вчера.

– Да? – удивленно спрашиваю. – А я где была?

– Ваню укладывала, мамочка, – пожимает плечиками дочь. – Папа позвонил и узнавал, как у нас тут дела?

– Ясно, – киваю, поднимаясь из-за стола.

Дико хочется узнать, что ответила ему Маша, но я держусь. Благо моя девочка проницательна, и сама рассказывает подробности:

– Я успокоила папочку, что у нас все хорошо и мы ждем, когда он приедет из командировки.

Отвернувшись к мойке, прикрываю глаза. Ну а что еще я должна была придумать?! Извините дети, папа собрал вещи и съехал?!

– Машенька, – оборачиваюсь. – А... он не сказал, когда вернется... из командировки?

– Нет.

– Если сегодня... – пытаюсь подобрать слова. – Если сегодня папа позвонит тебе, спроси, когда закончится его командировка. Хорошо?!

– Ладно, мамочка. А вы с папой поругались? – настороженно интересуется.

– С чего ты взяла? Все хорошо, – говорю, выходя из кухни, потому что сдерживать слезы просто невозможно.

Один из основных страхов – если об уходе Богдана узнает кто-нибудь из близких.

«Муж бросил» – это позорище. Среди моих родственников вообще нет разведенков. Ни одной. Как отреагируют отец

с матерью – даже думать не хочу.

Когда дети засыпают, начинается самое душераздирающее время. Время одиночества.

Лежу в супружеской постели. Одна. Плачу навзрыд.
Муж бросил.

Когда подобное приключалось у моих подруг, я всегда была непреклонна. Давала советы, вроде таких, «шли его лесом» или «ты еще встретишь своего человека», а когда бывало, что они всё-таки сходились обратно – относилась с порицанием.

Потому что сама в этой шкуре никогда не была. И не планировала быть.

По телевизору когда-то слышала, крепкий брак держится на трех вещах – секс, дружба и деньги. По всем фронтам у нас с Богданом все отлично. Тогда, это меня успокоило, и я даже посмеялась над глупостью, а сейчас вторую ночь размышляю, в какой сфере образовался провал?

Самое страшное – ответа не обнаруживаю.

Утром третьего «дня без Богдана» просыпаюсь оттого, что грохает входная дверь. Взлетаю с постели и пригладив волосы, бегу на первый этаж.

Вернулся!

Он вернулся!

– Привет, – говорю радостно, спускаясь по лестнице. Поправляю белую шелковую сорочку.

Богдан стоит у шкафа-купе в черных брюках и белой ру-

башке. Медленно поворачивает голову, лениво осматривает меня с ног до головы. Я могла бы сказать, что он выглядит несчастным, но это совершенно не так.

– Привет, Ян, – уводит глаза.

Тихонько подхожу к нему и крепко обнимаю со спины. Лбом упираюсь между лопаток. Его тело такое теплое и родное, что мгновенно впервые за три расслабляюсь. Ну и, конечно, не могу с собой ничего поделаться – плачу. Плачу, как дура.

– Я за костюмом, – предупреждает муж спокойно. – Завтра встреча важная.

Морщусь, словно от пощечины и неохотно отлепляюсь от его тела. Руки дрожат от страха.

– Я ничего не понимаю, Богдан, – сокрушенно мотаю головой. – Зачем ты издеваешься надо мной? Хочешь меня проучить? Как собаку выдрессировать?

– Не говори ерунды.

– Ерунды? А ты подумал, что я скажу детям? А родителям?

– Блд, – усмехается. – Ты в своем репертуаре. Главное – что сказать родителям.

– Потому что для меня это важно, Даня, – повышаю голос. – Скажи, скажи мне, какие сроки у твоей дрессировки?

– Я не знаю.

– Так может это просто предлог, и ты вообще не вернешься?! – дерзко задирая брови.

– Может быть, – произносит сухо.

Шокировано уставляюсь на то, как напрягаются мышцы на его спине.

– Может быть? – шепчу дрожащими губами.

Богдан размещает чехол с костюмом на открытой вешалке возле входной двери и усаживается на высокий пуфик, упирает локти в колени. Ладони сцепляет в замок.

Смотрит. Пристально смотрит и молчит.

Обнимаю себя руками и растираю плечи, чтобы хоть немного почувствовать свое тело.

– Давай без истерик, Ян.

– Я просто не понимаю за что ты так со мной, – мотаю головой.

– Как так? – усмехается, потирая подбородок. – Живешь в доме за десять миллионов, у тебя есть хорошая машина. Давай найдем няню, если одна не справляешься с Машкой и Ванькой. Деньги не проблема.

– Да какие деньги? – уставляюсь на него. – Я тебя люблю.

– Я тебя тоже, – произносит Богдан, уводя взгляд.

Чувствуя, что его броня треснула, опускаюсь рядом, расцепляю его руки и крепко обнимаю. Муж не сопротивляется, хоть и не обнимает в ответ. В нос тут же проникает родной запах, действует на меня как успокоительное. Это смешанные ароматы туалетной воды, сигарет и самого Богдана.

– Даня, ну давай поговорим. Данечка, – прошу, пытаюсь отыскать его глаза, но он не смотрит.

– Обязательно, когда ты успокоишься, – кивает.

Его лицо гладко выбрито, на нем нет следов усталости или того, что он переживал эти два дня. Он, как и всегда, ведет себя сдержанно и сухо.

Любить эмоционального банкрота не просто.

– Я просто не понимаю, как должна себя вести. Ты не говоришь чего-то конкретного. Меня все спрашивают, где ты. Дети, родители, даже соседи, – жалуясь, приложившись щекой к его груди.

– Может, хватит думать, что скажут соседи? – грубовато отодвигает меня от себя. – Ты слишком за это переживаешь. Я скажу одну вещь. Запомни её, как аксиому. «Мир не крутится вокруг Яны Шацкой». Прими как данность, что глобально, всем на тебя пох*й.

Сглатываю обиду, отшатываюсь и поднимаюсь на ноги. Досадные слезы катятся по щекам.

С лестницы слышны стремительные легкие шаги.

– Папа, – кричит Ванечка. Летит на отца.

– Привет, чемпион, – говорит Богдан, подхватывая нашего сына на руки.

– Наконец-то ты вернулся, – звонко звучит детский голос. – Я так тебя ждал.

Перехватываю впервые за это утро взгляд мужа и киваю на сына в его руках. Теперь объясни ребенку сам, что происходит.

Глава 5. Яна.

– Сын, ешь, не отвлекайся, – говорит Богдан Ванечке.

Наверное, сегодня поняла, почему мой муж сделал то, что сделал рано утром, когда в доме нет детей, а я всё еще сплю.

Потому что уйти, глядя, ладно, не мне... детям в глаза он не может.

Обнимая сына у порога, черты лица моего мужа сломались в какие-то неровные линии. Он снял обувь и отправился с Ваней к нему в комнату.

Сейчас мы сидим за столом, всей семьёй. Почти как раньше...

Я чувствую себя немного растеряно, но умудрилась приготовить завтрак для каждого. Ванечке – любимую кашу, Машуле омлет, а Богдану яичницу с помидорами и ветчиной. Сама же нервно на всех посматриваю и пью кофе.

– Почему ты не завтракаешь? – спрашивает Богдан, переводя на меня серьезный взгляд.

– Не хочу, – пожимаю плечами.

От меня муж ушел. Мне кусок в горло не лезет. Я жить не могу. Ни спать, ни есть. Вообще, ничего не могу.

Моя судьба будто бы на волоске.

Полностью в руках Богдана.

– Ты похудела, – замечает, кружа по-моему задумчивым взглядом. Опускает его ниже и в четвертый раз за утро зави-

сает на моей груди.

Спустя несколько секунд, его лицо приобретает ироничное выражение. Мол, «серьёзно, Ян?».

Невозмутимо веду плечами и поднимаюсь из-за стола.

Моя грудь – его фетиш и самая любимая часть на теле. Совру, если скажу, что случайно не надела лифчик на завтрак.

Загружаю посудомойку и, взяв свою кружку с кофе, отдаляюсь к окну, которое выходит в наш небольшой, покрытый газоном сад.

– Пап, а куда ты ездил? – спрашивает Маша оживленно. – Куда-то далеко?

– Не так чтобы очень, – отвечает Соболев.

Усмехаюсь и качаю головой.

– Ты там тоже будешь заправки открывать? – продолжает выпрашивать дочь.

– Еще думаю, – тихо отзывается Богдан.

У моего мужа сеть автозаправочных станций. Около десяти в нашем городе и еще столько же в окрестностях.

Богдан всегда любил всё, что связано с машинами и мотоциклами. После того как вернулся из армии устроился работать в автосервис. Зарплаты еле хватало, чтобы покрыть арендную плату за съемную квартиру, в которой мы тогда обитали.

Время было страшное.

Брать деньги у родителей Богдан мне запретил. Я – девоч-

ка из достаточно обеспеченной семьи, привыкшая к определенному образу жизни, конечно, переживала это довольно сложно.

Когда к восемнадцати годам привыкаешь к тому, что у тебя несколько блюд на завтрак, а потом существуешь пару месяцев на макаронах с гречей, начинаешь ценить то, что имел раньше. Думаю, мои родители очень на это рассчитывали и ожидали, что любовь к будущему мужу сойдет на нет.

Но этого не случилось.

Тогда папа предложил Богдану деньги на открытие бизнеса.

Сумма огромная для нас в то время – пять миллионов.

Соболев сначала отказался, слишком гордый и самостоятельный. Но здесь я проявила свой характер. Уговорила его согласиться.

Приводила кучу доводов. В том числе про наших будущих детей. Что они будут есть? Как они будут жить? Где учиться?

В итоге общими совместными с моими родителями усилиями нам удалось его уговорить.

Богдан согласился взять деньги только под расписку.

Выкупил свой автосервис, развил его в небольшой, но приносящий стабильный доход автоцентр. Параллельно поступил на заочное отделение в Институт коммерции на факультет экономики и управления.

Первые пять лет нашей семейной жизни были очень тяжелыми. Учеба и автоцентр забирали у Богдана все силы. Я

поддерживала, конечно, как могла. То лекции перепишу, то поставщика автохимии найду с ценами подешевле.

Ситуация осложнилась, когда Богдан только-только перешел на второй курс.

Я забеременела...

Мы не планировали детей так рано. Врач сменила противозачаточные таблетки, произошел гормональный сбой и, как результат, беременность. Шок, неверие, слезы. Куда к существующим проблемам еще ребенка?!

Несмотря на это, мы ждали нашу первую малышку с трепетом.

Маша стала всеобщим солнышком.

Ни дикая усталость, ни практически отсутствие сна в первый год её жизни, никогда не сравнились бы с тем ощущением настоящей семьи, которое она нам подарила. Время шло. Вместо съемной квартиры мы переехали в трешку. Потом родился наш второй, на этот раз запланированный ребенок – сын, о котором Богдан мечтал.

Наш Ванечка. Добрый, милый, самый любимый мальчик.

Если с рождением Маши наша семья стала настоящей, то когда родился сын – она стала полной.

Двухэтажный дом с небольшим бассейном и садом – подарок Богдана на рождение сына. Мы строили своё гнездышко три года.

Каждый сантиметр этого дома одобрен мной.

Каждый светильник в уборной или плинтус в кладовой –

всё выбирала я. Во-первых, Богдану всегда были неинтересны такие мелочи, во-вторых, он был занят развитием нового направления – автозаправочных станций.

– Почему не ешь? – спрашивает Богдан, приближаясь к окну.

Выхожу из собственных мыслей и оборачиваюсь. Дети уже поели и убежали по своим комнатам.

– Тебе есть до этого дело? – спрашиваю равнодушно.

– Не мели ерунды.

– Ты же вышел из дома по-тихому. Рано утром. Ничего не сказал ни мне, ни детям. Даже записки не оставил.

– Да... прошли времена с записками, – усмехается горько.

Его сарказм отдается болью в сердце. Около восьми лет назад. Когда не было сил даже на секс из-за постоянной усталости. Когда Богдан пропадал на учебе и работе, а я погрязла в пеленках и присыпках... Он каждое утро, уходя из дома, оставлял мне записку на столе. В ней могло быть всё что угодно. Пожелание хорошего дня, признание в любви или просьба постирать белую рубашку к завтрашней встрече.

Но подпись была всегда одинаковая: *Твой Даня.*

Слезы застилают глаза.

– Ты меня разлюбил, Даня, – мотаю головой. – Я такая дура была. Даже не думала об этом. Никогда не думала о том, что ты можешь меня разлюбить.

– Прекрати истерику, Ян. Я просто сказал, что нам надо немного отдохнуть друг от друга.

– Раньше ведь не говорил, – с укором выговариваю.

Молчит. Поворачиваю голову и осматриваю мужа. То, что перед завтраком он не переоделся, и даже не зашел в нашу спальню, о многом говорит. Например, о том, что семейный завтрак – это просто спектакль для детей.

– Скажи мне, кто она? – спрашиваю со слезами в глазах. – У тебя кто-то появился. Я чувствую, Богдан.

– Бл*дь. Что ты несешь? – говорит он нервно. – Я никогда тебе не изменял и не собираюсь.

– Врёшь, – кричу и бью ладонью в твердое плечо, но его тело даже не сдвигается с места. – Всё врешь.

Меня сносят эмоции. Я два дня держала их в себе и ни с кем не делилась. Я два дня носила обманчивую маску для детей и своих родителей.

– Как же ты меня за*бала, – качает Богдан головой, глядя в окно.

Глава 6. Яна.

– И что ты ему ответила? – спрашивает Света, нарезаая фрукты в фарфоровую тарелку, отделанную золотой каймой.

Три месяца ждала этот набор посуды из Европы.

– Ничего, – говорю задумчиво, кутаюсь в плед. – Разрыдалась, как дура.

– А Богдан? Успокоил хоть?

– Нет, – мотаю головой. – Просто сказал детям, что он пока поночует на квартире, чтобы не ездить за город. И после этого ушёл, девочки.

– Да уж, – Света неодобрительно качает головой. – Хочешь, поговорю с Вадимом, чтобы он с ним пообщался? Может, реально у него случилось что-то? Всякое же бывает.

– Ой, девочки, – закидывает стройную загорелую ногу на стул Вера. – Вы как маленькие, ей богу.

– Почему это? – подозрительно сужает глаза Света.

Девчонки – мои одноклассницы и подруги детства. Мы нечасто с ними встречаемся в последнее время, но как только я отправила эмоциональное голосовое сообщение в наш общий чат, они тут же приехали с вином и суши.

– Ну почему один человек не может просто за*бать другого? – философски размышляет Вера, разводит руками. – Ну камон, девчат?! Это нормально, что люди, которые прожили десять лет, друг друга допекли.

– Ну тебе-то лучше знать, – усмехается Света.

Вера в свои двадцать восемь ни разу не была замужем.

Пару лет назад она встречалась с одним иностранцем, но насколько в итоге он вернулся на родину, а она осталась в городе, потому что не может оставить престарелых родителей.

– А вот это уже сарказм, – Вера чокается с нами высоким бокалом. – Пассивная агрессия, Светик.

– Да-да.

– Я серьезно. Вот ты не можешь Вадику своему прямо сказать, что он тебя за*бал, поэтому приходится эти эмоции сливать на любимых подруг. Типа мы всё стерпим. Настоящая ты только с нами.

Света смотрит на Верунчика снисходительно и кидает ей в лицо сморщенную салфетку.

Я же задумываюсь.

Первая реакция на слова Богдана – шок, неверие и ужас.

Не знаю, что сейчас включается в моей голове, здравый смысл или желание оправдать своего мужа, но сегодня его «за*бала» уже не кажется катастрофой. Может, так на самом деле бывает?!

А еще вдруг вспоминаю, что он признался мне в любви.

Ну почему? Почему человеческий мозг такой противный и из диалога, где любимый человек ответил на твои чувства взаимностью, а потом сказал гадость, запоминаешь только плохое?

– Думаешь, это ничего страшного? – спрашиваю Веру, за-

кусив губу.

– Полагаю, что ты реально его за*бала, Шацкая. Ну серьезно. Даже с этим домом. Допусти хоть на секунду, что ему похрен, какой фирмы будет сантехника или откуда приедет люстра. Что-то мне подсказывает, вот я тебя послала на второе же подобное сообщение, а Богдан пару лет это, скрипя зубами, выслушивает.

– Ну, давайте его все пожалеем? – цедит Света. – Бедняга такой, я офигеваю с тебя Стоянова.

Вера игнорирует Светин тон и отвечает ей спокойно:

– Я всегда говорила, что Соболев – это не твой Вадик. С ним надо по-другому.

– А как? – зацепляюсь я за спасительную соломинку. – Вер, что мне делать? – начинаю опять реветь. – Я умру без него. Я вообще не представляю без него жизни.

– В этом и есть твоя проблема, Янчик, – качает головой Вера и надувает качественно сделанные губы. – Человек приходит в этот мир один и умирает тоже. Это надо понять и принять. И перестать воспринимать собственного мужа и любовь, как что-то вечное из песни Шарля Азнавура.

– Ой, девочки, я пойду лучше детей проверю. Я старовер, вы же в курсе? – уточняет Света и уходит в сторону дома.

– Жопу наела староверка наша, – шепчет мне Вера на ухо и прыскает от смеха.

– Стоянова, блин, – щелкаю подругу по носу. – Она родила пару месяцев назад.

У Светы трое детей, муж и дом – полная чаша. Мы с ней во многом похожи, но она выглядит гораздо старше и, вообще, не заморачивается за внешность.

– А ну да, – машет Вера рукой, мол, роды не оправдание.

Разливаю остатки вина в бокалы и зажигаю ароматизированные свечи, так как на улице смеркается. От выпитого алкоголя становится только хуже. Мою душу будто экскаватором вспахали и забыли разровнять.

Прикрываю глаза и пытаюсь совладать с приступом отчаянной боли.

– Что у вас с сексом, Ян? – спрашивает Вера задумчиво. Деликатно делает вид, что не замечает блеснувшие слезы.

– Всё так же, – пожимаю плечами.

– Также – это никак. Я тебе много раз говорила.

– Говорила, – киваю. – Но я как-то... не очень люблю все эти анальные штуки, ссылки на которые ты мне скидывала.

Вера хохочет.

– Обожаю твою непосредственность, милая.

Вяло улыбаюсь в ответ. Я тоже действительно её люблю и доверяю на все сто процентов. Если Свете я могу что-то не рассказать или скрыть какие-то важные факты, то с Верой можно быть собой.

– Как мне жить, Вер? – спрашиваю с надрывом.

– Горе моё луковое, иди ко мне, – поднимает руку.

Скрываюсь у нее в подмышке и плачу навзрыд.

Господи, как хорошо, что Бог придумал подруг! Как хо-

рошо, что у меня есть Вера со Светой.

– Хочешь, поговорю с Бодей? – задумчиво спрашивает меня.

– Нет, не надо, – мотаю головой. – Скажет, что я тебя подслала к нему.

У Богдана с Верой сразу же образовались дружеские отношения, основанные на любви ко мне и сходном чувстве юмора. Мой муж действительно её уважает и ценит нашу дружбу.

Вера в нашем доме частый гость и человек, которому мы с мужем оба доверяем.

– Вер, – зову тихо.

–Ааа?

– Думаешь... – замираю в нерешительности. – Думаешь, у моего Дани есть кто-то? – спрашиваю и зажмуриваю глаза.

Вера проницательна и не любит врать. Её предположения могут одновременно помочь или растоптать меня в мелкую крошку.

– Думаю ничего серьёзного, Ян, – отвечает, немного поразмыслив. – Может, с кем-то и познакомился, получает где-то новую эмоцию и кажется, что ты – уже пресно. Но это лишь мои догадки, не вникай.

Облизываю пересохшие губы и смотрю в окна своего дома. Дома, в котором мы должны были быть счастливы... Потом решаюсь. Как-то внутренне собираюсь резко.

– Что сделать? – громко спрашиваю. – Ты же знаешь, Вер, я тебе доверяю. Скажи поэтапно.

Подруга качает головой.

– Соболев сказал, что ты его за*бала... Попробуй не отсвечивать.

– В смысле?

– Не звони, не пиши. Даже по поводу детей. Представь, что нет его. Нет больше Соболева.

– Это как? – спрашиваю, округляя глаза.

– Вот так, Ян. Ты слишком в него погрузилась. Так нельзя. Займись собой. Подумай, чем бы хотела заниматься в жизни. Ване уже пять лет. А ты так и не работала ни дня...

– Да я как-то и не думала об этом, – виновато жмусь к ней.

– А ты подумай. И никаких звонков. Никаких предложений. Ну, и купи белья развратного, на всякий случай, что ли. Или ты к нему тоже предвзята? – смеется.

– Нет, красивое белье я люблю, – искренне улыбаюсь и краснею.

Сто лет не была на шопинге для себя. Все походы по магазинам ограничиваются детским отделом или текстилем для дома. За последний год я могу больше рассказать о строительных гипермаркетах, чем о новых коллекциях в Бюстье.

– Думаю, он хочет тебя немного взбодрить, – говорит Вера чуть позже, когда мы в тишине смотрим, как догорают дрова в импровизированном кострище.

Сердце наконец-то находит покой.

Да. Я тоже так считаю... Значит, не всё еще потеряно?!

– Спасибо, Вера, – радостно говорю. – Ты мне сил прида-

ла. Я так и сделаю.

Глава 7. Яна.

Следующая неделя проходит под мучительное избавление от болезни под названием «Мой муж». Меня ломает и плющит без Богдана. Возможно, было чуть менее обидно, если бы я точно знала, что ему в данный момент также паршиво. Но у меня нет никакого шанса узнать это из достоверного источника.

Наша коммуникация граничит с полным игнорированием друг друга. Соболев названивает детям, пару раз забирает их в кино и детский центр, при этом отправляет мне лишь пару сообщений, на которые я отвечаю немногословно.

«Ваня потерял кофту где-то в кафе. Не переживай, купим новую»

«Ок»

«Маша, по-моему, закашляла. Давай сводим ее к педиатру.»

«Хорошо»

Это всё, во что превратился наш десятилетний брак всего за пару недель.

Глаза периодически припекает от непролитых слёз, но я стараюсь бодриться. Вера действительно вселила надежду в то, что если я буду все делать правильно – Богдан останется со мной.

А для меня это главное.

– Яна, водитель подъехал. Выходите, – говорит мама, недовольно цокая в трубку. – Я одного не понимаю, почему вас не может доставить Богдан, что это за работа такая, когда семья отдельно на обед к родным приезжает.

Раздраженно закатываю глаза и скидываю в сумку всё, что попадётся под руку.

Богдан много лет настаивает, чтобы я наконец-то начала водить, даже машину мне купил. Моим правам лет семь, но я так и не решилась выехать из гаража ни разу. И так как мужа дома нет, попросила маму отправить за нами их водителя.

Что бы ни случилось в моей жизни, перед родителями я всегда вынуждена сохранять лицо. Всё ради того, чтобы мама не сказала своё коронное «я же говорила...».

Если они узнают, что Богдан меня бросил, будет настоящая катастрофа. Мурашки по спине оттого, что я выслушаю и вынесу в этом случае.

Натягиваю черное трикотажное платье и наношу на лицо легкий макияж. Волосы собираю в простую причёску. Разглядываю себя в зеркале и остаюсь более чем удовлетворённой.

Я похудела, но как-то правильно, что ли. Округлившиеся после двух родов грудь и бедра остались при мне, а живот прилично впал. И щечки, которые раньше так обожал Богдан, немного осунулись.

Стараясь пропускать мимо ушей галдёж Маши с Ваней, еду к родителям.

Я могла бы позвонить Богдану и попросить его отвезти нас, но из принципа не стала этого делать.

– Жанна, – кричат ребята и бегут сломя голову в сторону дома.

Моя мама считает себя слишком молодой, чтобы внуки называли её бабушкой, поэтому наши с сестрой дети зовут её исключительно по имени.

– Привет, – кисло произношу отцу и целую его бородатую щеку.

– Янка, приехали уже? – спрашивает папа, отвлекаясь от барбекю. – Иди, с мужем поздоровайся.

Мои глаза округляются, а чуть ниже груди срываются натянутые канаты.

Богдан здесь?! Боже. Спасибо. Не нужно будет искать ку-чу оправданий перед мамой и сестрой.

Прикладываю ладони к вспыхнувшим щекам. На негнущихся ногах иду в дом.

– Привет всем, – говорю в пустоту.

Прохожу в гостиную и сразу вонзаюсь затравленным взглядом в Соболева. Он сидит на небольшом диване рядом с Лёней, мужем моей старшей сестры Оли. На коленях у Богдана наш сын, а Маша разместилась рядом и вцепилась в руку отца.

– Всем привет, – повторяю, на этот раз менее уверенно.

Муж кивает и рассматривает моё платье, а я вдруг вспоминаю его последние слова и гордо отворачиваюсь.

За*бала? Ок. Не буду надоедать, Соболев.

– Янка-коза, привет, – кричит Оля с кухни. – Иди помогать, опять отлыниваешь.

Раздражение вырастает с космической скоростью.

Моя сестра порой невыносима.

Прежде чем выйти из комнаты, ловлю еще раз на себе светлые глаза Богдана, которые выражают понимание и... сочувствие?

Резко отшатываюсь и иду помогать.

– Ты похудела, – говорит Оля обвинительно.

Сердце сдавливается, когда мама переводит взгляд и сканирует мой внешний вид.

– На диете сидела, – пожимаю плечами и несу фрукты к мойке, встроенной в кухонный гарнитур.

Оля откашливается и готова руку дать на отсечение – переглядывается с мамой за спиной.

– Зачем тебе диета? – непонимающе спрашивает та. – Это *Он* тебя заставляет?

– Мама. Хватит, прошу тебя. Просто решила убрать пару сантиметров в талии, – выговариваю тихо.

– Господи, какая ты глупая Янка, – мотает головой Оля. – Диеты – это зло. Надо просто правильно питаться и заняться спортом. Я бы на твоём месте еще на подтяжку груди записалась и с целлюлитом что-то делала.

– У меня нет целлюлита, – произношу сквозь зубы.

– Да? – Оля многозначительно разглядывает мои бёдра. –

Ну ладненько. Мам, кстати, ты в курсе, что меня повышают осенью? Теперь буду финансовым директором.

Усмехаюсь про себя.

Оля работает в холдинге у отца, так что её повышение для меня неудивительно. Лёня трудится там же. Их тринадцатилетний сын Кирилл учится в элитной частной школе.

Идеальная дочь и её идеальный муж. Идеальная семья.

Не то что я с Даней.

Оставшуюся часть дня пытаюсь раствориться в воздухе и избежать всяческих вопросов. А еще трясусь, что дети ляпнут что-то вроде того – «папа уже давно не живет дома». Слава богу, они настолько заняты качелями и спортивным комплексом во дворе у родителей, что крайне редко появляются за столом. Богдан ведет себя естественно. Свободно общается с папой и Лёней.

После того как десерт съеден, объявляю, что мы уезжаем. Муж понимает мои слова правильно и выходит следом.

Сестра, прощаясь целует воздух рядом с моим лицом и обнимает детей. Богдана же, как обычно, игнорирует. Муж на это реагирует стандартно – насмешливым выражением лица.

Когда мы вчетвером оказываемся в машине, Маша с Ваней сразу врубают наушники и каждый уставляется в свой телефон, а я отворачиваюсь к окну.

– Прости, что тебе пришлось сюда приехать сегодня, – произношу тихо. – Тебе папа позвонил?

– Да, – Богдан кивает и поочередно закатывает рукава черной рубашки. – Попросил привезти уголь для барбекю, который сам забыл купить. А я ничего и не знаю о сходке венценосного клана Шацких.

Его голос звучит спокойно, но в последнем предложении слишком много обвиняющих нот, поэтому я чуть-чуть импульсивно развожу руками.

– Решила тебя не беспокоить, Богдан, – признаюсь честно. – Я заметил, – муж кивает и тяжело вздыхает, рассматривая мои колени и переводя странный взгляд выше. – Что это с тобой?

Оставляю его вопрос без ответа. Украдкой наблюдаю, как он управляет автомобилем.

За эту неделю, которую мы не виделись впервые за десять лет нашего брака, мой Богдан будто бы и не изменился. Его плечи привычно широкие, а руки, обхватывающие руль, сильные, на лице обычная стильная небритость, глаза сужены, лоб нахмурен, а скулы чуть побагровели.

Он красив. Это вижу я.

Да боже мой.

Это видят все девушки, с которыми он встречается. Внутренности опалает ревность, которую я выталкиваю с помощью силы воли.

Хочется, чтобы мы добирались подольше, но в субботу вечером на дорогах совсем мало машин. Это немного злит. Хочется задать мужу миллион вопросов.

Отдохнул ли он уже от меня?

Собирается ли возвращаться домой?

Как мне быть, чтобы больше никогда не услышать того, что я уже услышала?

Наверное, я труслива, потому что эти вопросы так и остаются в моем сознании, а я невозмутимо глазею прямо перед собой.

Подъехав к дому, дети сразу прощаются с отцом и бегут на крыльцо. Хватаюсь за ручку на двери, не глядя на Богдана, и холодно прощаюсь:

– Спасибо, что довёз. Пока.

Не успеваю открыть дверь, как руку обжигают горячие пальцы.

– Да что с тобой? – повторяет Богдан.

Перевожу взгляд на его ладонь и усмехаюсь. Да простит меня Вера, я элементарно не в состоянии сдерживаться.

– Боюсь тебя за*бать еще больше, – легкомысленно пожимаю плечами. Стараюсь улыбаться, но лицо превращается в нелепую гримасу.

Богдан качает головой.

– Я перегнул палку, – произносит, блуждая по моему лицу внимательными глазами. Словно пытается разгадать. – Я не должен был в таком ключе с тобой разговаривать. Прости, Ян.

Предательские слезы застилают глаза, чтобы не выглядеть жалкой пытаюсь вырвать руку, но не могу противостоять его

мужской силе.

– Пусти, – говорю сдавленно.

– Прости, – повторяет он еще раз хрипло, тянет запястье на себя и обвивает второй рукой плечи. Крепко обнимает, так что дышать нечем.

Глухо всхлипываю ему в грудь и пытаюсь освободиться. В нос проникает знакомый запах родного для меня человека.

Вместо того чтобы поддаться и отпустить, Богдан крепко обхватывает затылок и затыкает мои рыдания поцелуем.

Глава 8. Яна.

– Твои игры со мной слишком жестоки, Богдан, – шепчу, предоставляя ему доступ к своей шее. Настойчивые руки проникают под платье.

Я скучала, поэтому ладонями обхватываю его голову и перебираю ёжик из жестких волос между пальцев.

Моя фраза действует на мужа отрезвляюще и он, тяжело дыша, отстраняется.

А меня прорывает:

– Все десять лет я старалась быть для тебя хорошей женой. Как там говорят, поддерживать в горе и радости. Не мешать твоему росту в бизнесе. Быть соратницей во всем. И что я получила как результат?

– И что ты получила? – переспрашивает он глухо.

– Однажды утром я проснулась, а тебя нет. Ты просто ушел. По-тихому, как какой-то вор-домушник.

Муж горько усмехается, а я силось не разреветься от обиды. Поспешно поправляю платье.

– Чего тебе не хватает? – спрашиваю чуть нервно.

Он молчит. Господи, он всегда молчит. Резко бью ладонью по передней панели и стряхиваю руку от обжигающей боли.

– Что не так, Даня? Может, я и не идеальная, но я стараюсь. Всегда стремилась ей стать.

– Кому это нах*й надо? – наконец-то спрашивает он тихо.

– Что? – округляю глаза.

– Когда я просил тебя быть идеальной, Ян?

Непонимающе уставляюсь на него. Внутри совершает обороты какой-то водоворот из чувств и эмоций. А еще я вдруг понимаю, что мы никогда не разговаривали вот так открыто, как сейчас.

Десять лет протянули практически без выяснений отношений. Первые лет пять, наверное, выезжали на безумной любви и страсти, оставшиеся время словно по инерции жили. Настоящий конфликт был предопределен. Поезд притормозил уже давно, это точно произошло не в ту ночь, когда Богдан ушел.

Я просто не хотела принимать очевидное.

И да, он не просил.

Он никогда не просил меня быть идеальной.

Но разве не этого ждет муж от хорошей жены?

– Не просил, – мотаю головой упрямо.

– Ты немного потерялась, потому что я никогда не просил тебя становиться той, которой ты не являешься, – строго выговаривает Богдан. – Возомнила себя камертоном нравственности и морали. Ты бл*дь тарелки заказываешь из Европы и заботишься о них больше, чем о людях, которые нас с тобой окружают. Считаешь, что я жесток. Отнюдь. Ты, Ян, по жестокости меня давно обошла.

По мере того, как он говорит свою речь, чувствую себя всё хуже и хуже. Меня знобит и лихорадит. Внутренности

завязываются в тугой узел настолько, что дышать становится очень сложно. Я всю свою жизнь старалась быть хорошей. Сначала в детском саду, потом в школе. Дома. «Будь хорошей девочкой». Это напутствие, которое я слышала от родителей чаще, чем признания в любви.

То, как отзывается мой родной муж обо мне, наносит душе практически осязаемые раны.

Виновато опускаю голову.

– Что ты имеешь в виду? – спрашиваю тихо.

– Ян, как ты относишься к нашим друзьям, к моим родственникам?

– Нормально отношусь.

– Почему запретила Маше общаться с Никитой, к примеру? Что за отношение к моей сестре? Сама не замечаешь своего снобизма.

– С Никитой Котовым? – удивляюсь и взрываюсь. – Ты... бросил меня, потому что я ограничила общение нашей восьмилетней дочери с сыном твоих друзей?

– Не истери, – обрывает меня муж. – Я привел пример. Моих друзей? Раньше ты называла их нашими.

– Конечно, это наши, Дань, – тут же исправляюсь. – В последний раз, когда Котовы были у нас в гостях, Никита некрасиво издевался над Машей и безобразно себя вёл. Дети очень жестоки, я знаю, но Маша – моя дочь. Она нежная и впечатлительная девочка, ты ведь знаешь? – Богдан кивает. – Мне захотелось ее защитить. Кроме того, Никитка крайне

много матерится и обзывает Машу «богатой сучкой». Я сама слышала.

– А почему я об этом не знаю? – Богдан мрачно разворачивается ко мне.

– Я не хотела тебя отвлекать такими мелочами, – качаю головой. – Ты постоянно на работе, устаешь, поэтому я стараюсь ограничивать тебя от таких мелочей.

– В любом случае, ты должна была рассказать, – растирает он лицо руками. – Это явно важнее, чем та херня, в которую ты меня посвящаешь. Где-то между историей про то, как моя жена выбирала диван в игровую и сколько стоит имитация камина в гостиную, ты могла впихнуть пару строк о том, что сын наших друзей причиняет вред нашей дочери.

Его претензия звучит так естественно, сама вдруг начинаю размышлять, что сделала что-то не так.

– А что с Аней? – спрашиваю, разглядывая капли начинающегося дождя на лобовом стекле. – Чем мерзкая бесчеловечная жена обидела твою сестру?

– Не передергивай, Ян. Сама все прекрасно знаешь.

– Речь о моем отношении к тому, что ты отписал им одну из самых первых своих заправок?

– И про это тоже, – кивает он.

– Мне просто гадко от того, что мы зарабатывали всё упорным трудом, а они получили готовый бизнес, приносящий стабильный доход.

В машине создается неуютная тишина, в которой отчёт-

ливо слышен только стук дождя.

– Ты недоедаешь, Ян? – спрашивает Богдан мрачно. – В чём-то нуждаешься? Скажи бл*дь? Может, еще пару *бучих люстр надо выписать из Бразилии? Или что еще? Скажи.

– Дань, хватит, – морщусь. – Не издевайся надо мной.

Воздух вокруг становится плотным. Богдан злится. Это явно ощущается в том, как его пальцы сжимают руль и напрягаются широкие плечи.

– У Ани рак, – говорит муж отвернувшись. – Что-то поженски, я в этом не разбираюсь. Вторая стадия, прогнозы хорошие, их семье сейчас нужна стабильность, Ян. Пару раз я помогал деньгами, но для Андрея это не очень комфортно. Он не желает быть просто потребителем, и я его прекрасно понимаю, поэтому сделал так, как посчитал нужным.

– Какой ужас, Богдан, – прикрываю глаза.

Мы не очень близки с Аней, наверное, больше по моей вине. У нас чрезвычайно мало тем для разговоров. Она учительница младших классов, безумно любящая свою работу. Андрей, ее муж, неплохой человек. Трудолюбивый, советской закалки, но тоже абсолютно не такой, к общению с которыми я привыкла.

– Почему ты мне не сказал? – спрашиваю, касаясь грубой ладони.

Богдан сильно сжимает мою руку и проводит большим пальцем по запястью.

– Не хотел тебя расстраивать, – говорит хрипло. – Я знаю,

как ты реагируешь на подобные новости.

– Зато сейчас заставляешь меня чувствовать себя ужасным человеком.

– Ты не ужасный человек, Ян. Но в последнее время мне всё больше и больше кажется, что я женат на Жанне.

Раздраженно закатываю глаза.

– Моя мама не монстр, Богдан.

– Конечно, нет. Я никогда так не говорил и вообще отношусь к твоим родителям уважительно, как бы это не взаимно не было.

– Ладно, – соглашаюсь. – Здесь ты прав. Они действительно перегибают палку.

Тянусь к мужу сама, и обхватываю рукой его шею. Упираюсь лбом в широкий колючий подбородок.

– Мы ведь справимся? – тихо умоляю. – У всех бывают разногласия.

– Постараемся, – кивает Богдан, крепко обнимая.

– Я тебя услышала. Я исправлюсь.

Глава 9. Яна.

– Привет, милая, – говорит Вера и кидает клатч на стол. –

Пока ехала, все пробки собрала. Давно ждешь?

– Где-то полчаса, – отвечаю отстраненно, глядя в телефон.

– Что там у тебя?

– Общаюсь... с мужем...

– Ого, – удивленно произносит подруга. – С Соболевым?

По смс?

– Ага, – смеюсь. – У нас какой-то конфетно-букетный период образовался. Вторая волна. Притом что дома он пока не живёт.

– Это почему? – спрашивает Вера.

Отстраненно пожимаю плечами.

Если честно, я и сама особо не понимаю, по какой причине Богдан так и не вернулся домой.

Три дня назад разговор по душам закончился горячими поцелуями в машине, которые я предложила перенести в горизонтальную плоскость в нашей спальне, но Богдан покачал головой и сказал:

– Дай мне время, Ян. Не обижайся, но нам действительно будет на пользу немножко пожить отдельно.

Я не стала возражать и настаивать.

После волны претензий с его стороны мне показалось это глупым и лишним. Я же пообещала ему поменяться.

А наутро курьер принёс мне большой букет немислимо красивых пионов с запиской «Для любимой от Дани». Настроение сразу стало более радужным. Я отправила Богдану смс и с тех пор, мы круглосуточно переписываемся.

Это... немного необычно.

Спрашивать у человека, с которым десять лет спала в одной постели, что у него на завтрак и в чем он сейчас одет. А ещё... многие наши темы... как бы с сексуальным подтекстом. Мы будто бы маринуемся в собственном желании и раззадориваем друг друга.

Улыбаясь, перечитываю нашу утреннюю переписку с мужем:

Я: «Не поможешь?»

Следом идут три фотографии моего постройневшего тела в новых комплектах нижнего белья. Черный – с ажурным поясом для чулок, красный – с тонким полупрозрачным лифчиком и стрингами и ярко-синий атласный комплект.

*Мой Даня: «Бл*дь, Малыш. Ты прекрасна. Люблю тебя».*

Я: «Так какой, Дань? Я в поликлинику с Ваней собираюсь за справкой в детский сад и потом в ресторан с Верой.»

Мой Даня: «Надеюсь, наш врач эженицина?»

Я: «Соболев. Наш участковый врач – семидесятилетняя дама с плохим зрением и неважным слухом. Странно, что за восемь лет ты так с ней и не познакомился».

Мой Даня: «За это тебе спасибо, Яна. И платной медицине»

Я: «Так что с комплектом, муженёк?»

*Мой Даня: «Я предпочитаю без них. Ты же знаешь. Но чёрный на тебе смотрится просто ох*еть как красиво. Хочу тебя. Скучаем...»*

Следом приходит снимок от Богдана. Он заснял свой столик, разместившийся в брюках.

Давлю смешок и разглядываю объёмный бугор, чувствуя, как ноги дрожат от волнения и желания. Я давно так не хотела мужа, как сейчас.

– Яна, – окликает Вера. – Я, вообще-то, здесь. Вы хоть поговорили с ним?

– Поговорили.

– Высказали претензии друг к другу?

– Ага, – закусываю нижнюю губу.

Ни за что не признаюсь даже своей Вере, что я так и не высказала Богдану ни-че-го. Ничего из того, что меня не устраивает.

Я слишком боюсь его потерять, чтобы быть честной... В моем случае правдивость – непозволительная роскошь.

– Он обвинил меня в высокомерии и в том, что я похожа на маму, – проговариваю тихо, чувствуя, как острый стыд прожигает глубокие отверстия в груди. – А еще в том, что слишком погрязла в быту и расточительстве.

– Ты... и Жанна? – горько усмехается Вера. – Соболев что? Слеп? Или с дуба рухнул?!

Растираю горящие щеки, стараясь не разреветься.

Я тоже с этим сравнением собственного мужа абсолютно не согласна. Моя мама в жизни бы не стала мямлить, когда её критикуют. Она дала бы такой отпор, что мало бы не показалось.

– Не нравится ему. – взрывается подруга. – А когда ты самостоятельно решала, какой фундамент в доме делать? Как там... рокот...

– Ростверк, – смеюсь, вспоминая тот ужас. Я вообще ничего не смыслила в строительстве, а Богдан тогда постоянно работал. Дом мы создавали с нуля... Муж добывал деньги, я развлекалась со стройкой. Тем не менее было ощущение, что мы команда.

– Ну вот, – продолжает Вера. – Или когда бригада отделочников загуляла и ты разгоняла их пьяную компашку. А когда вам испортили безумно дорогую плитку в ванной, перепутав направление кладки?

– Перестань, Вер, – машу рукой.

– Тогда его всё устраивало? – жестикулирует Вера. – Тогда ты не была похожа на Жанну?

– Перестань, – зажимаю уши ладонями, но всё равно слышу её голос.

– А я тебе скажу, подруга. Тогда ты была похожа на ломовую лошадь, а не на себя. У тебя на руках был маленький Ваня, Маша совсем кнопкой была, а ты постоянно с ними на стройку ездила. На такси.

– Я сама не хотела водить, – мотаю головой. – Богдан здесь

ни при чем. Он в это время зарабатывал. Ты хоть представляешь, что ему стоило развить такой бизнес?

– Дорогая моя, Яночка, – Вера сжимает моё запястье. – Перестань. Я знаю вашу семью и люблю действительно обоих, но Богдан слишком много на себя берет. Ты, как никто другой, заслуживаешь выбирать каждую долбанную тряпочку в этот дом. Ян, если бы не ты этого дома вообще бы не было. А если бы не твой отец, не было бы Богдана Соболева, суперпредпринимателя и бизнесмена.

Боже.

Она говорит это так оглушительно, что мне плохо становится. А вдруг кто-то услышит? А вдруг ещё кто-то так будет думать?

Да, папа помог.

Но если бы не талант моего Дани, пять миллионов бы не спасли.

– В какой-то момент Соболев почему-то решил спрашивать с тебя, как с равной, – произносит Вера гораздо тише. Кажется, тоже, слава богу, поняла, что ляпнула лишнего.

– Я и есть равная ему, – возражаю.

– Нее-ет, – Вера стоит на своём. – Ты Шацкая. Он Соболев.

– Я тоже Соболева, – кричу. – Что за бред, Вер?

– По паспорту – да. Но Богдан должен понимать, что это только лишь формальность. Когда у вас не было возможностей и денег, это было не так явно заметно. Он перестал от-

носиться к тебе, как к хрустальной вазе. Я же помню, как пылинки с тебя сдувал.

– Я поеду, Вер, – говорю вскакивая. – Прости, пожалуйста.

Хватаю сумку и выбегаю из ресторана, совершенно не обращая внимания, как подруга меня окликает. Растерянно поправляю волосы и платье.

После поликлиники я отвезла Ваню с Машей к своим. Поэтому абсолютно не понимаю, что делать дальше. На улице глубокий вечер, а в целом мире нет никого, кто мог бы меня успокоить.

Озираюсь в поисках такси и машу рукой водителю, который стоит на небольшой парковке возле, прилегающего к ресторану, отеля.

Таксист подъезжает ко мне и распахивает переднюю дверь.

– Здравствуйте, мне нужно во второй микрорайон.

– Моё почтение, красавица, – говорит усатый мужчина лет пятидесяти. Приятной внешности, но почему-то становится гадко от его липкого взгляда.

Еще раз изучаю его вид. Серые строгие брюки, рубашка в мелкий рисунок и вельветовый пиджак. На голове фуражка.

– Приземляйся давай, – подгоняет он меня, за спиной слышу нервные гудки других участников автодвижения, поэтому быстро тяну на себя заднюю дверь и усаживаюсь на мягкое сидение.

В машине приторно пахнет ванилью и корицей.

– Домой едешь? – спрашивает водитель, причмокивая.

Холодно зыркаю в зеркало заднего вида, пытаюсь вложить в свой взгляд все негодование от несанкционированного перехода на «ты».

– Чего молчишь? – спрашивает он оборачиваясь. Его выпученные глаза грязно прогуливаются по моим оголенным коленкам. Быстро обнаруживаю торчащую лямку от ажурного пояса для чулок и поправляю платье.

– Красивая такая, как картиночка. И на такси, одна, – говорит водитель так громко, что мне жутко становится. – Леденец хочешь?

Игнорирую протянутую конфету и отворачиваюсь к окну, молясь, чтобы поездка поскорее завершилась.

Слава богу, наша с Богданом квартира находится всего в пяти минутах езды, поэтому мы достаточно быстро заезжаем в знакомый двор.

Бросаю деньги на переднее сидение и пулей вылетаю из такси. Прижав сумочку к груди, бегу домой. Стук каблучков разносится по всему подъезду, преумножая и нагнетая мой страх.

Мерзкое липкое ощущение никак не покидает.

Ключей у меня нет, поэтому я жму на звонок и переминаюсь с ноги на ногу, радуясь, когда муж наконец-то открывает мне дверь. Он в спортивных брюках и майке.

– Даня, – выдыхаю ему в грудь и прижимаюсь к твердому

телу. – Я так испугалась.

– Чего? – спрашивает он, поглядывая в подъезд. Становится серьезным.

Я вдруг смеюсь. И что всполошилась?

Обычный таксист.

– Да так, ничего, – мотаю головой и тяну его за руку. –
Пойдем.

Глава 10. Яна.

– Ты чего такая дикая, малышка? – спрашивает задумчиво Даня, привлекая меня к себе, когда мы добираемся до гостиной.

Долгожданная близость отзывается в каждой даже самой крошечной клеточке тела. От моего любимого пахнет домом, туалетной водой и настоящим мужчиной...

– Спешила к тебе, – говорю, озираясь вокруг и пытаюсь прогнать воспоминания о неприятной поездке в такси.

– Дети?

– У мамы, – отвечаю, на секунду отрываясь от своего занятия.

Здесь всё родное.

Наша квартира. Наше первое гнездышко.

Мы переехали сюда, когда Машеньке только-только исполнился годик.

Ремонт делали сами, своими руками. Где-то друзья Богдана помогли, где-то мои подруги подсобили. Старались, чтобы было качественно и со вкусом. Сейчас вижу, насколько цвет стен устарел и вообще, конечно, в сравнении с профессиональным ремонтом в доме, выглядит кривовато.

Но так жаль переделывать, если честно.

Так как в дом мы выбирали совершенно всё новое, здесь, в нашей квартире обстановка осталась прежней.

Окидываю взглядом серый плюшевый диван во всю стену и портьеры такого же оттенка на окнах. На полу мягкий, пушистый, молочного цвета ковер, измазанный в одном месте ярко-синим фломастером.

Маша постаралась.

– Соскучилась? – спрашивает муж, коротко целуя мои сухие губы. – Холодная вся. Яна, блин.

Его горячие руки проникают под платье и нетерпеливо оглаживают мои бёдра, греют ягодицы.

– Да, очень соскучилась, – выдыхаю не сдерживаясь.

Тепло его рук, которое пробивается под кожу, разливается по всему телу. Внутренние струны натягиваются от предвкушения предстоящей ночи.

Наконец-то, с момента встречи с Верой в ресторане успокаиваюсь. Просто обожаю свою подругу, но иногда она слишком откровенна и категорична.

А ссориться с мужем из-за его претензий ко мне, я не хочу.

Я так его люблю, что дыхание внутри стопорится. Просто оттого, что он рядом. Просто оттого, что я могу касаться его широких плеч и ничего не опасаться.

Я никогда рядом с Даней никого не боялась.

Ничего и никого.

Человек часто привыкает к тому, что имеет и перестает быть благодарным. Тому, кто всегда рядом, тому, кто многое для него делает и старается.

Богдан для меня – главный защитник и мужчина, который никогда не даст в обиду. Просто порой случается, что... сам обижает.

Так бывает.

Наверное, это даже больше моя проблема, чем наша совместная.

– Когда ты вернешься домой, Данечка? – спрашиваю, положив голову на его плечо.

Веду кончиком пальца по крепкой шее, наслаждаясь тем, как от практически невесомого прикосновения рассыпаются мурашки на загорелой коже.

Мой. Только Мой.

– Завтра вернусь. Обещаю, – отвечает муж, не прекращая поглаживать. – Невыносимо без вас. Просто невозможно жить, Ян. Хочу домой.

– Ты дома! – пожимаю плечами, немного его поддразнивая и оглядываясь.

– Мой дом там, где ты и наши дети, – отвечает Даня, обнимая меня еще крепче. – Ты у меня самая лучшая.

– Было с кем сравнить? – замираю, прикрывая глаза от ужаса, сковывающего сердце.

– Дурочка, – глухо смеется муж и легонько щипает за ягодицу, а потом затихает. – Прости меня. Вывалил на тебя столько дерьма абсолютно незаслуженно.

Тактично помалкиваю, не зная, как реагировать на подобные откровения. Но вместе с этим радуюсь, что муж пере-

стал сыпать претензиями и успокоился.

– Как ты здесь? – спрашиваю тихо. Перевожу взгляд на гантели в углу комнаты и слабо усмехаюсь.

– Нормально, – отвечает Богдан. – Вечерами было грустно, спорт выручал. Мне кажется, нам с тобой это расставание пойдет на пользу.

– Почему так думаешь? – закусываю губу.

Разве может быть на прок, когда тебе плохо? Что в этом хорошего и терапевтичного?! Я умираю без него, кровь высыхает в венах и артериях. Никогда не понимала смысла оптимистичной философии «всё к лучшему», потому что есть в жизни такие вещи, которые точно не имеют позитивной расцветки. А я не розовый единорог, чтобы радоваться каждой мелочи.

– Ходил к семейному психологу, – признается Богдан.

– Куда? – ухмыляюсь, округляя глаза и пытаюсь заглянуть ему в глаза.

Мой Даня и психология – это просто смешно. Как эти две параллельные могли пересечься?!

– К семейному психологу, – повторяет Даня, игнорируя мою иронию. – Я тебе отправлю контакт, если хочешь, тоже сходи.

– Хмм, – качаю головой. – И что он тебе сказал? Этот психолог?

– То, что с нами происходит всего лишь стандартный семейный кризис.

– Ну про это я тоже читала, – соглашаюсь. – Наткнулась на статью про эволюцию чувств между живыми особями. Оказывается, любовь необходима, чтобы вместе воспитывать своё потомство, и когда дети становятся более-менее самостоятельными, любовь тоже трансформируется.

– Что-то подобное мне и сказал психолог. Нам с тобой нужно научиться больше времени проводить вдвоём.

– Я – за, – говорю, подступая ближе. – Хочу всё, но только с тобой, Богдан. Мне не нужен никто. Я просто умру, если ко мне прикоснется кто-то другой.

– Я сам сдохну, если такое вдруг случится, – отвечает он хрипловато. – Ты ведь исключительно моя девочка. Других у тебя не было и не будет, Яна, – жестко договаривает.

– Только твоя, – подтверждаю быстро. – Пожалуйста, не отдавай меня никому, Даня.

– Никому не отдам, – хмурит он брови и еще крепче сдавливает. – А есть варианты?!

– Нет, – мотаю головой. – Даже мыслей таких не было, Дань.

– То-то же.

Дыхание спутывается, когда Богдан падает на мягкий диван и усаживает меня сверху в позе наездницы. Поднимаю руки, чтобы муж содрал с меня тесное платье, которое тут же улетает куда-то в сторону.

– Самая красивая, – шепчет муж, стискивая в ладонях талию и разглядывая черное кружево. – Охренеть, какая ты

красивая, Яна. Аж глаза режет.

Из-под опущенных ресниц наблюдаю, как привычно разгорается желание в его глазах. Из маленьких искорок в пылающее пламя.

Снимаю с Дани майку и веду пальчиками по перекатывающимся мускулам на груди. Обвожу костяшками пальцев та-туировку воздушного десантника над сердцем.

– Мне надо в душ, – говорит Богдан, поднимаясь вместе со мной с дивана. – Потом буду тебя трахать так, что завтра не встанешь, поняла?

Откидываю голову назад и весело смеюсь, а у самой от этого обещания пальчики на ногах поджимаются.

– Хорошо, что я предохраняюсь, – замечаю. – Иначе разорились бы на презервативах.

Даня весело хмыкает и тащит меня в ванную. По пути прикусывает твердый сосок через кружево.

– Я хочу пить, – жалуюсь, смотря в сторону кухни.

– Блин, там бардак, – Даня нервно передергивает плечами.

– А что так?

– Вчера ребята заходили, не успел убрать со стола.

– Ого, – многозначительно задираю брови.

– Не порти вечер, Ян. Просто посидели с приятелями.

– Ладно-ладно, – успокаивающе растираю его плечи. –

Пойду уберусь за одним.

– Спасибо, – шепчет он хрипло и сладко целует, сталкивая наши языки.

Боже.

Как это прекрасно, когда тебя целует собственный муж. Страстно, возбуждающе... Моё белье насквозь мокрое. А вся ночь только впереди.

Спрыгиваю с Дани и под его тяжелым взглядом, виляя бедрами, в одном белье удаляюсь на кухню. Напевая незамысловатый мотивчик под нос, включая воду в кране и убираю со стола посуду, пока взгляд не натывается на кое-что любопытное.

Глава 11. Яна.

У меня никогда не выходило управлять своим гневом.

Я, честно, много-много раз пыталась. Считала до десяти и обратно. Анализировала ситуацию в моменте. Представляла себя немой, глухой, тупой. Чего только не делала.

Но если я почувствовала внутри себя трехметровую волну бешенства, то остановиться крайне сложно... Это похоже на состояние аффекта.

На клиническую смерть. Агонию. Не знаю, какие еще можно подобрать эпитеты. Я как поезд, который слетел с катушек...

Так и сейчас, увидев на собственном кухонном столе несколько бокалов для виски, один из которых с четким отпечатком алой помады, я громко чертыхаюсь и молниеносно несусь в спальню.

У меня в голове не укладывается.

Дура. Дура. Дура.

Пока я, как первостатейная идиотка, жду *его* дома и пытаюсь разжевать детям, где пропадает их нерадивый отец, Даня здесь девок принимает?! В нашей квартире?!

В месте, где росли наши с ним дети!

Я такая злющая, что даже пореветь в эту секунду как следует не в силах.

В ярости сбрасываю с постели покрывало, подаренное

свекровью на пятую годовщину свадьбу. Тут же отшвыриваю одеяло и проверяю белые простыни на наличие улики.

При этом четко понимаю, что разыскиваю светлые волосы этой сучки с проклятой фотографии, которую отправил Роб в ту самую ночь, когда начался весь этот ужас.

Таких совпадений просто не бывает, и я не кретинка.

Хватит.

Словно ведущая из известной телепередачи, веду ладонью по гладкой поверхности. Уже сейчас понимаю, что мне совершенно неважно откопаю ли я эти проклятые волосы.

Сам факт того, что я проделываю это в нашей квартире, в нашем доме бьёт под дых и заставляет звереть на глазах.

Как он посмел?!

Как мог?!

Вдруг становится так себя жалко, что злость словно вода из меня утекает.

Усаживаюсь на кровать с ногами и рыдаю в сложенные ладони. Во что он превратил мою жизнь?! Ногами прошелся по мне и нашей семье.

Я у него плохая, нашу с детьми фотографию можно на пол, а эту суку в мой дом?! Сюда?

– Ян, – зовёт ничего не подозревающий Богдан из коридора. – Ты где?

Зайдя в спальню, резко останавливается и ошарашенно обводит глазами всё, что я успела натворить.

– Что происходит? – спрашивает, окидывая меня удив-

ленным взглядом.

Он практически голый, узкие бедра обмотаны белоснежным полотенцем с золотистыми вензелями. В паху отчетливый бугор. Мы собирались заняться сексом.

Он хоть простыни сменил, интересно?!

– Ты привёл её в наш дом, – выплевываю обвинение ему в лицо.

– Кого? Ян? Ты в своем уме вообще?

– Ту суку с фотографии. Ты привел её в наш дом, Богдан. Я поверить не могу, – вою, глядя в потолок, потому что если я взгляну на него, то ни слова вымолвить не смогу.

Просто. Ни слова.

Язык деревенеет от ужаса.

Со мной подобное случается. Когда сильно страшно или волнительно – полнейший ступор.

Ноги становятся ватными, а в ушах проклятый отчаянный гул.

Чувствую, как Богдан хватает меня за руки и тянет на себя. Кожа соприкасается с каплями на его теле, становится холодно и это мгновенно отрезвляет.

Вырываюсь насколько это возможно. Бью кулаками по широким плечам.

– Ненавижу, – кричу без сил.

– Яна, малыш, успокойся, – хрипит испуганно Богдан. – Давай поговорим.

Поговорим?!

Мотаю головой и отталкиваю его от себя. В очередном приступе ярости лечу на кухню и хватаю проклятый бокал.

В данный момент я всех ненавижу.

Не-на-ви-жу!

Всех.

Веру, которая говорила мне не отвешивать, и я как дура, ждала у моря погоды, пока мой муж трахал какую-то блядь.

Богдана, который сыпал претензиями и наверняка потешался надо мной с дружками.

Даже производителя гребаной стойкой помады, который не оставил шанса моей семье, я тоже искренне ненавижу. Особенно когда залетаю в спальню и тычу в лицо мужу пустой бокал.

– Это что? – спрашиваю со слезами на глазах.

Он молчит.

Я ожидала любой реакции. Что Богдан пошутит, посмеется, будет орать.

Но он держит язык за зубами.

– Почему ты молчишь?

Отбрасываю бокал на ламинат и даже не смотрю, как разлетаются прозрачные осколки.

– Я поверить не могу, – всхлипываю. – Ты привел в наш дом другую.

– Ян, успокойся, – говорит Даня тихо. – Ничего ужасного не произошло.

– Ничего ужасного?

– Да. Всё не так, как ты думаешь.

– А как? – развожу руками.

– Лана была здесь не одна.

– А... ну так, конечно, мне легче, – усмехаюсь горько. –

Она с кем-то встречается? С Робом?

– Нет, – мотает головой Богдан.

Поднимает на меня малосодержательные глаза. Мог бы и солгать.

– Ты... мне изменил? – спрашиваю дрожащим голосом.

– Нет, – отвечает серьезно.

– Я тебе не верю, – говорю, утирая слезы. – Ты говорил, что это «левая телка». А сейчас эта шлюха была у меня дома и пила из моего бокала.

– Это и мой дом, – едко произносит Богдан. – И Лана не шлюха.

– Ты её защищаешь, – ору, что есть силы.

– Прекращай истерику.

– Ты. Привел. В дом. Чужую. Женщину.

– Пздц, – взрывается Богдан. – Люди иногда общаются и с противоположным полом. Мы не на отдельной планете живем.

– Тогда зачем ты соврал? Сказал, что её не знаешь?

– Да бл*дь...

Богдан со всего маха запускает подушку в комод, на пол летят статуэтки, которые мы привозили из путешествий.

– Ничего не изменилось, – говорит муж со злостью. – Ты

не изменилась.

Вскакивает с кровати, разворачивается и идет к шкафу. По пути скидывает полотенце.

Пялюсь на его голую подтянутую задницу и меня взрывает. Он делает это снова. Обвиняет меня.

– Говорила мне мама, что этим все закончится, – реву, закрывая глаза.

– Что же ты ее не послушалась? – спрашивает Богдан тихо, надевая спортивные штаны.

– Дурой была.

– Ясно. А сейчас умная? Надрываешься из-за херни.

– Сейчас умная. Больше я терпеть этого не стану.

– И что сделаешь?

– Я тебе верила, Богдан. Выслушивала, в чем я виновата и как дура, пыталась разглядеть в себе недостатки.

– Да у тебя же нет недостатков, – ядовито произносит муж. – Откуда они в голубой крови?! Недостатки – удел холопов вроде меня.

– Я тебя никогда не считала холопом. Только это для тебя не существенно. Все неважно. То, что я пошла против всех. Против близких своего круга.

– Своего круга, – передразнивает он.

– Да, – взрываюсь. – Я десять лет молчала и терпела.

– Что ж ты так долго мучалась, несчастная?!

– Больше не собираюсь. Это была последняя капля. Измену я тебе не прощу.

– Блядь, я тебя придушу сейчас, – говорит он зловеще. – Какая на хрен измена?! Ничего не было. Ты сумасшедшая истеричка.

– Да-да, а через десять лет ты Маше с Ваней нагулянную сестренку притащишь. Скажешь: «Так получилось. Бес попутал. Но ты ведь больная алкоголичка у меня, всё поймешь». Где-то я уже это видела, – произношу со злостью, и сама застываю.

Черт.

Я же обещала себе, что никогда больше не буду говорить плохо о его родителях.

– Богдан, – осекаюсь, глядя, как его лицо багровеет.

Он подступает ближе и дергает за локоть так, что сомнений нет – будут синяки.

– Богдан, – визжу, пока он тащит меня в гостиную.

Толкает на диван и поднимает с пола платье.

– Одевайся, – произносит глухо.

Быстро натягиваю платье поверх комплекта белья, выбранного мужем с утра по фотографии, и всхлипываю.

– Одевайся, – повторяет бешено. – И пошла на хер отсюда, Яна, – кивает на дверь.

– В смысле? – вздрагиваю.

– Пошла. Отсюда. На хер.

– Ночь на дворе, куда я пойду?! – спрашиваю испуганно.

– Мне всё равно. Иначе я тебя задушу своими руками, – его руки сжимаются в кулаки.

Округляю глаза и вскакиваю с дивана. Судорожно поправляя платье, несусь в прихожую. Там надеваю туфли, хватаю сумку и выскакиваю из квартиры.

Несусь по лестнице, ничего не слыша... Это финал. Конец.

Я жить не хочу.

Вылетаю из подъезда. Ничего не соображая, усаживаюсь в откуда-то взявшееся во дворе такси и пытаюсь оправиться от шока.

Глава 12. Яна.

Первое, что я ощущаю, когда более-менее прихожу в себя и в ушах угасает непрекращающийся гул – приторный аромат ванили и корицы.

Чувство страха расплёскивается вязким сиропом сначала в ногах, а потом поднимается всё выше и выше. Достигает максимальных пределов, когда я осознаю, что не заказывала такси и тем более не называла водителю адрес.

Я была настолько шокирована тем, что произошло между мной и Богданом. Совершенно ничего не соображала. Уселась в первую попавшуюся машину, даже толком не рассмотрев её.

– Это вы? – спрашиваю пораженно.

Вельветовый пиджак и фуражка расплываются в глазах от приступа удушья. До сегодняшнего дня приятные для меня запахи становятся чем-то вроде угарного газа.

Губы вмиг высыхают и мне нестерпимо хочется на свежий воздух.

Водитель уверенно ведет автомобиль по ночным улицам и бросает на меня смеющийся взгляд через зеркало заднего вида. Его глаза пустые и затуманенные, словно у дохлой рыбы.

– Остановите автомобиль, – произношу почти шепотом.

Мне хочется орать, визжать. Но, черт возьми, не получа-

ется! От ужаса происходящего на это просто не хватает внутренних сил.

– Немедленно остановите автомобиль, – повторяю свое требование и слабо ударяю кулаком по спинке переднего пассажирского сидения.

Таксист ни слова не говорит.

В этом молчании есть что-то зловещее, поэтому я судорожно дергаю ручку на двери, но она не поддается. Закрыто.

– Куда мы едем? – истерично повышаю голос.

Снова тишина.

– Такая болтливая стала, красавица, – выговаривает он весело, причмокивая конфетой. – А до этого ехала, нос воротила.

– Куда мы едем?

– Леденцы будешь?!

– Какие леденцы? – судорожно хватаюсь за сумку. – Вы сумасшедший? Куда вы меня везёте?

Бесшумно открываю застёжку и лихорадочно пытаюсь отыскать телефон. Помада, ключи, духи... Нащупав свой новенький айфон, снимаю блокировку и совершаю попытку убавить яркость экрана до минимума.

– Остановите машину. – продолжаю причитать, стараясь разглядеть хоть что-то в этой гребаной сумке. Завтра же выкину из неё весь хлам.

Если завтра вообще наступит... – думаю, пытаюсь унять дрожь от удушающих слез.

Очень хочется жить!

В новостях так часто показывают случаи нападения на женщин, чаще всего с трагичным концом... но всегда кажется, что со мной-то точно такого не приключится...

Автомобиль продолжает движение в неизвестность.

– Остановите машину. У вас будут проблемы, – мой голос дрожит и вибрирует, постоянно сбивается то на шепот, то на хрип, но я просто обязана разговаривать, потому что нужно отвлечь водителя, пока я норовлю по зрительной памяти открыть контакты и набрать номер. – Мой муж от вас места живого не оставит.

На долю секунды заглядываю в сумку. Неистово ликую, когда вижу заветную фотографию в карточке контакта.

Богдан, ну же, возьми трубку!

Где-то на третьей секунде звонок сбрасывается. Зажимаю динамик пальцем, чтобы не были слышны короткие гудки, и набираю номер мужа еще раз.

Богдан, любимый, пожалуйста, ответь мне.

Там, в квартире мне хотелось отхлестать его словами по сильнее, чтобы он хотя бы на секунду прочувствовал мою боль. Боль оттого что я рисую в воображении своего единственного любимого человека с чужой женщиной.

Это словно игра «Передай другому».

Ощутил резь в сердце – тут же припомни слабое место оппонента и постарайся подобрать обидные слова так, чтобы боль как следует срикошетила в него. Обратно. Желательно

в трехкратном размере. В этот момент нет в мире большего врага, чем самый близкий человек.

Снова и снова давлЮ на заветное имя на экране, всякий раз звонок обрывается.

Мы ссоримся, делаем друг другу больно. Но мы ведь команда... Семья?

Богдан, – реву про себя. – Любимый! Пожалуйста! Возьми трубку!

Под грудью лопаются канаты от бессилия, а сердце болезненно бьется о ребра.

Пожалуйста.

Пожалуйста, Даня! Данечка!

Где-то на пятый раз вместо привычной тишины раздаются оглушительные гудки и леденящая душу фраза «Абонент временно недоступен».

Я поверить не могу.

Он отключил телефон?

Хочется разрыдаться, но я просто не успеваю этого сделать, потому что сумка вдруг соскальзывает с колен, а машина резко тормозит на обочине.

– Будь хорошей девочкой, – говорит похититель. – Не надо никуда звонить.

Он отбрасывает мои вещи на переднее сидение, и машина снова трогается. Сворачивает с дороги.

От ужаса во мне включается замедляющая движения программа. Всё это походит на какой-то телесериал про манья-

ков, а не на мою спокойную, счастливую жизнь.

Этот таксист тоже маньяк?!

Конечно.

Он ведь мне сразу не понравился. Я словно почувствовала исходящую от него опасность.

Жутко.

Я просто не знаю, что делать в такой ситуации? Как быть? Меня этому не учили.

С раннего детства, сколько себя помню, у мамы с папой всегда был личный водитель. Когда Богдан приобрёл мне автомобиль, я пару раз намекала на то, что неплохо было бы тоже нанять надежного человека, тем более что средства нам позволяют. Муж каждый раз отшучивался, что эти барские замашки до добра не доведут.

Иногда мы с детьми пользовались услугами такси, но это всегда было строго в дневное время.

Руки дрожат так, что приходится их зажать между колен, а потом инстинктивно выдвинуть вперед.

– Что вы делаете? – истошно визжу, когда машина снова останавливается и раздаётся треск застёжки ремня безопасности. – Мой муж вас просто закопает.

– Нет у тебя никакого мужа, – говорит маньяк, гадко усмехаясь. – Какой мужик свою бабу одну в таком виде ночью отпустит?!

Чуть поворачивается и мерзко проезжается взглядом по моим оголенным коленкам. Тянет ладонь, но я забиваюсь в

угол и защищаюсь руками.

– Если только она не шалава, – добавляет и отвратно хочется с собственной шутки.

Пытаясь преодолеть накатывающую тошноту, смотрю по сторонам. Я словно загнанный зверёк в клетке, в которую запустили гиену и заперли снаружи.

– А ты не шалава, краля. Вон какая вся чистенькая, драгоценная. Ладненькая девочка. Я сразу тебя заметил еще там у ресторана. И ты меня заметила. Сама меня выбрала.

– Вы вообще в своем уме? – ору, снова истерично дергая ручку на двери.

– А я тебя выбрал, – от его слов всхлипываю, озираясь вокруг. – Ждал. И дождался.

В окнах автомобиля ничего не видно. Пустота. Словно во всем мире нет никого, кто бы мне пришел на помощь.

Такого просто не могло со мной случиться. Но это происходит. Страшный сон. Кошмар.

– Остановитесь, пожалуйста, я вас умоляю, – хнычу, обливаясь слезами. Мне уже не важно, что я выгляжу жалкой. – Я вам заплачу любые деньги.

Дальше все происходит так быстро, что я сама не замечаю, как гложу от собственного визга.

Пассажирское сидение прямо передо мной максимально задвигается, а на меня словно глыба налегает. Пытаюсь вырваться, хаотично размахивая руками. Противник не очень силен физически, но я настолько истощена ощущением стра-

ха, что просто не могу оттолкнуть.

Моего лица касаются колючие противные усы, меня мутит от запахов аниса и ментола, которые исходят из его рта.

– Не брыкайся, – шипит мучитель, пытаясь схватить мои запястья. – Я немного потрогаю тебя.

– Отпустите, – ору выбиваясь. – По-жа-луйста.

– Сладенькая девочка, – его руки хаотично разгуливают по моему телу. Мажут по груди, затрагивают бедра, пытаются пробраться между ног.

Прикрываю веки и стараюсь найти в себе силы. Силы бороться за свою жизнь. Перед глазами вдруг возникают дети. Если я сейчас сдамся, то могу и вовсе никогда их не увидеть.

Судорожно перебираю в памяти всё, что Богдан как бы между прочим рассказывал о самообороне. Раньше мы много разговаривали обо всем на свете.

Вспомнив, резко впиваюсь ногтями насильнику в лицо, стремясь прихватить глаза. Как только он инстинктивно тянется руками к источнику боли, отталкиваю от себя и сгибаю ногу, чтобы подцепить туфлю.

Боже, как я раньше не додумалась огреть его шпилькой?!
Какая же я тупица!

Но я сильная!

Сосредотачиваю все свои силы в правой руке и бью куда попало не целясь. В шею, голову, о плечо. Без разбора и без малейшей жалости. Не обращая внимания на глухие стоны.

В машине тесно, чтобы как следует замахнуться не хвата-

ет пространства, но я стараюсь. Видит Бог я стараюсь!

Я хочу жить...

Я – сильная!

Когда хлипкое тело ослабевает, и немного сваливается с меня, помогаю ногами, отменяя в дальний угол. Вскрываю с места и дотягиваюсь до кнопки разблокировки, хватаю сумку.

Выкарабкиваюсь из машины, стряхиваю вторую туфлю и лечу, не чувствуя ног. Не зная куда.

Бежать.

Скорее бежать. Дорога проселочная, но ровная. Ступни жгут от мелких камней, впивающихся в кожу. Слабый ветер развеивает волосы.

Даже ветер слабый, а я – сильная!

Остановившись, озираюсь, пытаюсь перевести сбившееся дыхание. Стоп огни злосчастного автомобиля остаются вдалеке.

Вскрываю сумку, раскидывая по земле все принадлежности. Нахожу телефон и набираю номер, как оказалось, единственного человека, который меня никогда в жизни не подводил.

Всхлипываю оттого, что на четвертый длинный гудок, слышу характерный щелчок:

– Яна?! – тревожно зовет заспанный бас.

– Папа, папочка! – реву навзрыд. – Пожалуйста, помоги.

Глава 13. Яна.

– Яна, здравствуйте, – говорит Олег Александрович, мой лечащий врач. – Можно к вам?

– Да, проходите, – прикрываю дверь в санузел.

В палате слегка холодно.

Холод – это одно из немногих ощущений, что я способна на сегодняшний день чувствовать. Не знаю по какой причине... Возможно, из-за лекарств, которые я регулярно пью... Или из-за этой проклятой пустоты внутри. Противный удушающий вакуум.

– Вы опять принимали душ? – спрашивает он, внимательно изучая мои влажные волосы, лицо и тонкую майку, одетую поверх спортивного лифчика.

– Да, – отвечаю не глядя.

– Медсестра сообщила, что вы мылись всего пару часов назад.

– Вам жалко воды? – равнодушно интересуюсь.

– Нет, что вы? – извиняющимся тоном произносит доктор. – Ваше пребывание полностью оплачено. Альберт Рустамович, ваш отец, очень щедрый, уважаемый человек.

Утомлённо пожимаю плечами. Мол, чего вы тогда хотите?!

– И очень вас любит, – добавляет.

– Когда меня выпишут? – спрашиваю безразлично, глядя

на сосновый бор за окном. Красиво, наверное. Такой вид из клиники неврозов должен способствовать быстрому выздоровлению.

– Курс лечения расписан на две недели. По итогу будем смотреть.

– На что смотреть?

– На ваше состояние.

– Я в порядке. Ноги почти зажили.

– Я не о физическом состоянии, Яна, – замечает он с укором.

– Со мной всё хо-ро-шо, – четко проговариваю. Словно мантру перед сном.

Олег Александрович качает головой, тяжело вздыхает и тоже подходит к окну. Немного дёргаюсь, когда его плечо нечаянно касается моего...

– Вы всё ещё отказываетесь пойти на контакт с нашим психологом, – произносит с укором.

– Я справилась.

Не понимаю, зачем он привязался? Я в порядке. Действительно, в порядке.

Я хочу к детям. К своим детям. Я соскучилась.

Хочу скорее заполнить ежедневной суматохой эту бесконечную пустоту внутри. Когда я вернусь к Маше и Ване, моя жизнь войдет в обычную колею.

С одной только разницей... Теперь без Дани...

– Я должен убедиться в том, что вы справились.

Поворачиваю голову и складываю руки на груди в жёсткий замок. Сжимаю зубы до хруста.

– Я здесь под стражей? – требую ответа, глядя в упор.

– Нет, что вы? – удивляется он. Слегка улыбается. – Вы наша гостья.

Удовлетворенно киваю и снова отворачиваюсь к окну.

– Прекрасно, правда? – с оптимизмом спрашивает, смотря на залитые солнцем деревья.

– Ага.

– И погода отличная. Вы были на улице сегодня?

– Нет.

– Прогуляемся?

– Не хочется.

Смотреть на сияющее солнце мне быстро наскучивает, и я отправляюсь к заправленной постели. Забираю спортивную кофту и одеваюсь, застегиваю замок до горла.

– Одна сессия с психологом, Яна, – уговаривает Олег Александрович.

– Зачем? – спрашиваю устало. – Что это даст?

Хочется прикрикнуть на него, но я не могу.

Физически не могу выдать ни одной гребаной эмоции, кроме слабого раздражения.

– Вам самой станет легче, – убеждает он.

Расторможено мотаю тяжелой головой. Потираю бровь кончиками пальцев.

– Не станет. Я сама во всем виновата.

– Яна...

– Я сама села в эту машину. Сама. Этот человек меня не заставлял. Не затаскивал силой.

– Яна.

– Я сделала это сама... Са-ма.

Олег Александрович пододвигает стул к кровати. Деревянные ножки противно скребут по плитке. Присаживается напротив.

– Вы понимаете, что я сама виновата? – спрашиваю, поигрывая замком на коффе.

– Нет.

Раздраженно закатываю глаза. Общается со мной, как с дурой.

Они все здесь ходят по струнке, потому что отец их давно спонсирует через свой благотворительный фонд.

– У насилия есть одна особенность, Яна, – держит паузу, разглядывая мои чуть подрагивающие руки. – В нем всегда виноват насильник.

Ложусь на спину и безучастно смотрю в потолок.

Усталость словно одеялом накрывает тело. Мне опять непреодолимо хочется спать.

А еще помыться.

Постоянно хочется помыться. Раз от раза я тру свое тело мочалкой до противной красноты и жжения. Самые нежные участки кожи на груди, на бедрах уже давно в легких, еле заметных ссадинах, но желание помыться никуда не уходит.

– Подумайте над этим, Яна, – выговаривает Олег Александрович вставая.

– Хорошо, – произношу, укладываясь набок.

Поджимаю ноги к животу и прикрываю тяжелые веки.

Ночные события почти двухнедельной давности не вспоминаю. Зачем снова и снова проходить всё это?!

Папа приехал где-то спустя минут сорок, после моего звонка ему. Сорок самых длинных в моей жизни минут, которые даже сейчас сложно забыть. Все это время я бежала босиком по проселочной дороге. Старалась не светить телефоном, чтобы батарея, не дай бог, не умерла, и отец смог отследить меня по геолокации.

Помню яркие огни вдалеке. Помню, как бешено рыдала, когда увидела родное лицо.

Дальше пустота.

Блок.

Первую неделю практически не вставала. Ступни обрабатывали два раза в день. Наталья, медсестра лет пятидесяти, всё время причитала, что как удачно останутся шрамы. Если не задирать ноги, лёжа на пляже, то и не заметит никто.

Удачно...

Я бы посмеялась... если бы могла.

Когда открываю глаза, вижу перед собой маму.

– Привет, Ян, – говорит она, неловко улыбаясь.

– Привет. С кем дети? – спрашиваю хрипло.

Поднимаюсь с постели и мажу быстрым взглядом по за-

крытой двери санузла.

– Мы няню взяли. Так повезло, представляешь? Бывшая воспитательница на пенсии. Идеальные рекомендации, высшее образование. Очень приятная женщина. Галина Семеновна тебе понравится.

– Ясно, – киваю.

– Вчера Оля приезжали. Представляешь, она грант для отца выиграла. Какая-то федеральная программа для крупного бизнеса, сама сделала видеопрезентацию, сметы. Всё сама. Деньги бешеные, папа в восторге...

Мама продолжает щебетать, а я снова приближаюсь к окну. Ветер играет с белым пакетом на асфальте. Наверное, кто-то из посетителей выкинул в урну, но легкий целлофан удуло.

– Мам, – перебиваю тихо.

– Что? – резко останавливается она, неуклюже поправляет волосы.

– *Он...* звонил?

В палате создается противный вакуум. Почти такой же, как внутри.

– Нет, – мама недовольно поджимает губы и быстро отворачивается.

Равнодушно киваю, прикладываясь лбом к холодному стеклу.

Скоро осень наступит. Маша пойдет в школу. Второй класс. Надо купить ей новое пальто, обязательно. Прошло-

годнее еще в мае было маловато.

– Вера звонила, – говорит мама весело. – И Света. Требуют сдать твое местонахождение. Особенно Вера ругалась. Даже приезжала вчера.

– Дай ей адрес, пожалуйста, – прошу и снова нацеливаюсь на санузел.

Кожа чешется и горит просто нестерпимо.

– А Свете?

– Свете не надо. Не хочу никого видеть...

Глава 14. Яна.

На следующий день ко мне приезжает Оля. В деловом костюме и идеальным макияжем на холодном лице.

Не знаю... Зачем?!

Старшая сестра никогда не была мне близкой. Слишком разные. Моё замужество с неподходящим для семьи человеком увеличило эту разность до огромной, зияющей пропасти.

– Как ты? – спрашивает Оля, размещая на столе объемный бумажный пакет из дорогого супермаркета. – Выбрала тебе фрукты и ягоды. Специально заезжала в торговый центр. Там ни припарковаться, ни выехать. Все как с цепи сорвались с этим первым сентября. Неужели ничего нельзя делать заранее?! Я Кирюхе форму еще в мае швее заказала. С хорошими тканями-то сейчас беда, ждать два месяца. Рюкзак финский через байера тогда же выписала. Ведь это так просто, делать все заранее? Я...

– Может, у людей денег не было, Оль?! – перебиваю равнодушно. – Получили зарплату и поехали покупать.

– Не было денег на рюкзак? – морщится сестра. – Зачем тогда детей рожали?

Мутит от её снобизма.

Я настолько опустошена, что мне даже лицо держать не хочется. И быть гостеприимной тоже. Поэтому безучастно

отворачиваюсь к стенке и прикрываю глаза.

Неужели непонятно, что я...

Просто. Хочу. Остаться. Одна.

Человек, который был бы мне нужен, всё равно не придёт.

И в этом я сама виновата. Я кругом, куда ни плюнь, виновата.

Вина словно бетонная плита давит на грудь, сжимая ребрами сердце.

– Могла бы и спасибо сказать, – шипит сестра за спиной, усаживаясь.

– Спасибо, – отвечаю ровно.

В палате тихо. Слышно только, как Оля поигрывает золотым браслетом на запястье.

Раздражает.

– Янка, – зовет она слабо.

– Что?

– Ты это... – держит паузу. – Эту ситуацию... не принимай близко к сердцу.

Резко разлепляю веки. Вдалеке, где-то внутри, за закрытой наглухо металлической дверью, чувствую отголоски эмоций. Они слабые. Словно смазанные, но есть...

Значит, не всё потеряно?

Слышу, как Оля поднимается со стула, оглушительно забирает сумку со стола и идет к двери.

– Оля, – окликаю громко.

– Что?

– Откуда ты знаешь... какова глубина моего сердца? И где для него близко? – спрашиваю со злостью.

Это максимально не похоже на мою сестру.

Удивительно.

Но она молча выходит из палаты и тихонько захлопывает дверь. В коридоре слышатся знакомые голоса, которые непременно хочется заткнуть.

Он не пришел. Не придет.

Я настолько плохая жена. Наверное, даже настолько плохой человек, что у Богдана нет ни капли сострадания...

Через несколько минут дверь снова отворяется. Я в буквальном смысле чувствую дуновение свежего ветерка.

– Привет, мать, – слышу веселый голос Веры и разворачиваюсь настолько резко, что голова кружится. – У тебя тут как в морге. Холодно, тихо. Осталось бирку на палец опустить. Кстати, знаю я одного симпатичного патологоанатома...

Сажусь на кровати и мрачно произношу:

– Вера, ну какой патологоанатом?

Она внимательно изучает мое лицо, белую хлопчатобумажную майку и сжатые в замок руки, а потом прыскает от смеха:

– Говорил, что самый лучший. Мне вот интересно, кто это сказал? Его пациенты сплошь мертвяки, отзыв на сайте точно не напишут.

– Вера, блин, – машу рукой и натянуто улыбаюсь.

С ней всегда так.

Заболтает, что не заметишь, как уже смеешься.

– Это что за изобильные дары? – кивает на пакет.

– Оля принесла.

Вера смешно морщит лицо. Поправляет без того идеально сидящий черный, легкий комбинезон из шелка.

– Твоя сестра не меняется. За три минуты в коридоре всю свою жизнь мне рассказала и ни слова о тебе. Эгоизм в максимальной стадии, – говорит Вера и по-хозяйски открывает шкаф. – Ладно, отдашь продукты медсестрам. Тебя выписывают, собирайся.

– Выписывают? – пораженно округляю глаза.

– Да, – ее голос приглушается, потому что она пытается достать небольшой чемодан с полки наверху. Скидывает его на пол, раскрывает и начинает укладывать туда вещи из шкафа.

– Как у тебя это получилось?

– Поговорила с твоим отцом. И с лечащим врачом. Олег Александрович такой милашка. На свидание позвал.

– Я только помоюсь, – говорю быстро.

Ощущение, что в кровь впрыснули ускоритель и мне уже не хочется перемещаться по палате как черепаха.

Сегодня я увижу своих детей!

– Да, кстати, – вскидывает Вера идеально уложенные волосы. – Пойдем-ка.

Хватает за руку и тянет в санузел.

– Раздевайся, – указывает, когда мы заходим внутрь.

Неуверенно смотрю на неё и обнимаю себя за плечи.

– Раздевайся, говорю. Что я там не видела?! Мы с пятого класса в бассейн вместе ходили.

После недолгих раздумий снимаю майку и скидываю спортивные штаны.

– Давай-давай, – приговаривает, разместив руки на груди, и давит смешок. – У тебя же нет Светкиной жопы, че тебе стесняться.

– Вера, блин, – одергиваю её, стыдливо закатывая глаза.

Заторможенно избавляюсь от белья.

– Пздц, подруга, – шипит Вера, увидев расчесанные в кровь бедра и следы на груди. – Че ты там трешь, объясни мне?

– Не знаю, – опускаю голову, разглядывая этот ужас. – Все время желание помыться. Будто песка сверху присыпали.

Она обхватывает мои плечи и разворачивает к зеркалу, в которое я боялась посмотреть все эти дни.

Поднимаю глаза.

Боже. Это кто вообще?

На кого я похожа?!

По сравнению с сияющей красотой Веры я напоминаю унылый серый гриб. Тусклая кожа и такие же бесцветные волосы, по-быстрому забранные в шишку на макушке. Ямочки на ключицах стали еще отчетливее.

– Он... трогал тебя? – прямо спрашивает, глядя в глаза через отражение.

Вздрагиваю от неожиданности вопроса.

– Только через платье, – нервно отвечаю.

Подруга кивает и еще раз окидывает взглядом безобразные ссадины.

– Где сейчас это платье?

– В пакете. В чемодане, кажется.

– Посмотри на себя, – кивает на мое тело. – Нет никакого песка. Ты чистая, Яна.

Крепко-накрепко обнимает сзади и размещает подбородок на моем плече.

– Чистенькая моя девочка, – произносит так нежно, что тело начинает содрогаться в конвульсиях, из глаз выходят первые долгожданные слезы, а изо рта булькают нечленораздельные звуки.

Мне так нужно было, чтобы хоть кто-то это сказал!

Просто поддержал, а не смотрел, словно я хрустальная ваза.

Истерические рыдания длятся какое-то время, а позже превращаются в редкие всхлипы.

– Всё такая же, – продолжает Вера, когда я более-менее успокаиваюсь. – Чистая. Красивая. Завтра же запишемся в салон. Мы всё забудем, Ян. Всё переживём, моя хорошая. Так ведь?

Лихорадочно киваю, обдувая раскрасневшееся лицо. Я должна забыть. Пережить как-то кошмар той ночи.

– Пошли отсюда скорее, – подруга тянет меня за собой.

Подхватывает вещи с пола.

В палате помогает одеться в чистую одежду, скидывает оставшиеся вещи из тумбочки в чемодан и выводит за руку в коридор.

На стойке у администратора подписываю все необходимые документы, и мы наконец-то выбираемся на улицу.

Господи, здесь хорошо!

Как следует затягиваюсь вкусным, свежим воздухом. Щурюсь от палящего солнца и поднимаю глаза к небу. Оно синее, практически чистое, с легкими невесомыми облаками и белой длинной полосой, по всей видимости, от самолета.

– Пойдем на парковку, – тянет Вера за руку. – Заедем еще в одно место.

– Куда?

– Стойте, – звучит взволнованный женский голос сзади.

Резко разворачиваюсь и вижу, что к нам бежит девушка лет двадцати пяти. У нее яркие красные волосы, черная одежда и большая цветастая сумка в стиле бохо.

– Вы ведь Яна Альбертовна Соболева? – спрашивает, разглядывая моё испуганное лицо.

Вера тут же ступает вперед, словно заслоняя и грубо узнаёт:

– В чем дело?

– Мне срочно нужно с вами поговорить, – отвечает девушка нервно.

– О чем? – спрашиваю непонимающе. – Я вас не знаю.

Девушка озирается и указывает на лавочку.

– Давайте присядем.

– Нам некогда, – отсекает Вера.

– Пожалуйста, – улыбается та. – Меня зовут Каролина

Никифорова. Я блогер и фем-активистка, плотно занимаюсь проблемами насилия и сексуализированных действий по отношению к женщинам.

– Фем-активистка, – Вера медленно произносит. – В смысле, феминистка, что ли?

– Да.

– Обожаю феминизм и все, что с ним связано, – произносит подруга, а я чуть улыбаюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.